

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**КАРАКАЛПАКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени БЕРДАХА**

КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Курс лекции

по «Современной русской литературе»

СОСТАВИТЕЛЬ:

ПИРНАЗАРОВ М.Т.

НУКУС - 2006

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Общая характеристика литературы 60-90-х годов
2. Проза 60-90-х годов
3. Поэзия 60-90-х годов
4. Драматургия 60-90-х годов
5. Библиография

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИТЕРАТУРЫ 60-90-Х ГОДОВ.

1. Общественно-политическая обстановка.
2. Развитие прозы, поэзии и драматургии.

Литература второй половины 60-х начала 90-х годов – необходимое и естественное продолжение в эволюции предшествующей русской литературы. Вместе с тем она развивается по социально-нравственным законам, которые характерны для страны, вступившей в новый этап своего развития.

Важнейшее значение имел XX съезд КПСС, на котором подводились итоги пройденного страной пути и намечались планы на будущее. Большое внимание на съезде уделялось вопросам идеологии. На XX съезде подвергся критике культ личности Сталина и были восстановлены относительно демократические нормы руководства.

Была восстановлена репутация таких деятелей литературы, как А. Ахматова, М. Зощенко, А. Платонов, М. Булгаков и др., которые ранее подвергались односторонней критике, был осужден тон проработки в критике, в истории литературы восстановлены имена ряда писателей, которые долгие годы не упоминались.

Минувшая война обострила национально-историческое, социальное самосознание народа. Начался новый этап, выдвинувший специфические задачи перед искусством слова. Литературно-общественная хроника тех лет насыщена событиями, имевшими большое значение в формировании умонастроений и эмоционального мира нескольких послевоенных поколений. Большую роль в этом сыграл Второй съезд писателей.

Второй съезд писателей стал литературно-общественным событием не только потому, что собрался после двадцатилетнего перерыва, но прежде всего из-за яркой и смелой речи Шолохова, ставшей поистине поворотной вехой в истории писательской организации.

В эти годы в литературу вступает целая плеяда талантливых писателей: Ф. Абрамов, М. Алексеев, В. Астафьев, С. Антонов, Ю. Бондарев, В. Белов, А. Калинин, Е. Носов, В. Распутин, А. Солженицын, В. Аksenov, В. Войнович, В. Шукшин и др.

Новыми именами обогащается и литература других народов страны. В эти годы начинается творческий путь талантливых художников слова – Ч. Айтматова, В. Быкова, З. Бишевой, И. Шемякина, Э. Межелайтиса, Ю. Рытхэу и др.

Большое место в литературе 60-70-х годов занимают произведения эпического содержания, такие, как «Русский лес» Л. Леонова, романы Ю. Бондарева «Горячий снег», А. Иванова «Вечный зов» и др.

Наряду с романами значительные успехи падают на долю повестей, в которых писатели соединяют проблемы сегодняшнего дня, мирного строительства с событиями прошедшей войны. («Матерь человеческая» В. Закруткина, «Хлеб - имя существительное» М. Алексеева, «Липяги» С. Крутилина, «Привычное дело» В. Белова, «Последний срок» В. Распутина и др.).

Современность и история тесно соединяются в творчестве поэтов разных поколений и судеб (В. Луговского, А. Твардовского, Н. Заболоцкого, С. Орлова, Л. Мартынова, Е. Винокурова, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, И. Бродского, Н. Рубцова, Б. Чичибабина). В 60-70-е годы возник феномен авторской песни, которая пользовалась большой популярностью. (Б. Окуджава, Ю. Визбор, В. Высоцкий, Ю. Ким, А. Галич, А. Розенбаум, С. Никитин и др.).

Проблемы современности поставлены в драматургии В. Розова, А. Арбузова, А. Володина, Э. Радзинского, А. Гельмана, А. Вампилова.

Литература этого периода, опираясь на традиции русской классической литературы, народного творчества и русской литературы предшествующих лет связана с жизнью народа, отражает основные особенности жизни, уделяя пристальное внимание созданию образа современника.

В то же время писатели стремились к поиску новых форм художественного воплощения действительности, часто проводились эксперименты в области художественного воплощения идейных замыслов, отличные от традиций русского классического реализма.

Традиции Леонова, и особенно его романа «Русский лес», в котором поставлена проблема человека и природы, ответственности современников перед будущими поколениями за сохранение природных богатств, плодотворно сказались в развитии литературы. К этим проблемам обратились В. Белов, В. Шукшин, В. Астафьев, В. Распутин, Б. Васильев и др.

Перестройка и новые процессы, развернувшиеся в стране. Поставили особые задачи и перед литературой.

Ликвидация в литературе застойных явлений проходит сложно и болезненно. За последние годы появились произведения, вызвавшие горячий интерес читателей и оживленные споры в критике. Это, в частности, повести В. Распутина «Пожар», В. Астафьева «Печальный детектив», романы Ч. Айтматова «Плаха», В. Белова «Все впереди», А. Рыбакова «Дети Арбата» повесть В. Быкова «Карьер» и другие.

Для лучших произведений этих лет характерна постановка актуальных проблем времени, суровое отношение к негативным явлениям жизни общества, усиление критического пафоса в оценке современной действительности и событий прошлых лет, связанных с культом личности Сталина.

Широкое развитие получила в последние годы публицистика. В газетах и журнальных статьях обсуждаются важные вопросы общественной жизни, исторической судьбы, «белые пятна» истории, по-новому истолковываются явления недавнего и далекого прошлого.

В целом же в литературе этого периода пытливые художники слова обращены к исследованию духовного мира своего современника, к воплощению его нравственных качеств, определению его жизненной позиции.

ПРОЗА 60-90- ГОДОВ.

1. Военная проза.
2. Деревенская проза.
3. Лагерная тематика.
4. «Интеллектуальная» проза.
5. «Артистическая проза» («проза сорокалетних»)
6. Историческая проза.
7. Основные представители русской прозы 60-90-х годов.

1. Проза этого периода представляет собой сложное и многогранное явление. Приток в литературу новых прозаиков – художников слова с ярко выраженными творческими индивидуальностями – определил стилевое и идейно-художественное многообразие прозы.

Основная проблематика литературы этих лет связана с жизнью современного общества, жизнью деревни в прошлом и настоящем, жизнью и деятельностью народа, Великой Отечественной войной. Сообразно своим творческим индивидуальностям писатели обнаруживают тяготение к реалистическим, романтическим или лирическим тенденциям.

Одним из ведущих направлений прозы этого периода стала военная проза.

Проза о войне заняла особое место в развитии послевоенной литературы. Она стала не просто темой, а целым материком, где на специфическом жизненном материале находят свое решение едва ли не все идейные и эстетические проблемы современной жизни.

Для военной прозы новый период развития начался с середины 60-х годов. В конце 50-х появились книги «Судьба человека» М. Шолохова, «Иван» В. Богомолова, повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня», Г. Бакланова «Пядь земли», роман К. Симонова «Живые и мертвые». (Аналогичный подъем наблюдается в кинематографе – вышли на экраны «Баллада о солдате», «Летят журавли»). Принципиально важную роль в становлении новой волны сыграли рассказ М. Шолохова «Судьба человека» и повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда». Этими произведениями наша литература перешла к повествованию о судьбе простого человека.

С наибольшей резкостью новые начала военной прозы проявились в повестях того направления, которое можно назвать прозой психологического драматизма. Название повести Г. Бакланова «Пядь земли» словно отражало полемику с предыдущими панорамными романами. Название говорило о том, что происходящее на каждой пяди земли отражало всю силу нравственного подвига народа. В это время выходят повести «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Убиты под Москвой» К. Воробьева, «Журавлиный крик», «Третья ракета» В.Быкова. В этих повестях был сходный центральный герой – как правило молодой солдат или лейтенант, сверстник самих писателей. Все повести отличались максимальной концентрацией действия: один бой, одно подразделение, один плацдарм, одна нравственная ситуация. Такой узкий взгляд позволял контрастнее высветить драматические переживания человека, психологическую правду его поведения в условиях достоверно показанного фронтового быта. Были схожи и драматичные эпизоды, составляющие основу сюжета. В повестях «Пядь земли» и «Батальоны просят огня» шел яростный и неравный бой на крохотном плацдарме. В повести К. Воробьева «Убиты под Москвой» был показан бой роты кремлевских курсантов, из которого вышел живым всего один солдат. Бой, в котором идеализированные представления о войне терпят поражение перед суровой правдой нахлынувших событий. Внутреннее развитие сюжета выявляет не то, как бесплодно и обреченно гибнут брошенные в бой курсанты, а то, как самоотверженно продолжают вести бой оставшиеся. Ставя своих героев в тяжелые, очень тяжелые положения, писатели выясняли на этом изломе такие изменения в нравственном облике героя, такие глубины характера, которые в обычных условиях нельзя измерить. Главным критерием ценности человека у прозаиков этого направления стало: трус или герой. Но при всей непримиримости разделения персонажей на героев и трусов писатели сумели показать в своих повестях и психологическую глубину героизма и социально-психологические истоки трусости.

Рядом с прозой психологического драматизма устойчиво развивалась порой в открытой полемике с ней эпическая проза. Произведения, нацеленные на широкий охват действительности, разделились по типу повествования на три группы.

Первый тип можно назвать информативно-публицистическим: в них романическая история, захватывающая многих персонажей на фронте и в тылу, смыкается с документальной достоверностью изображения деятельности Ставки и высших штабов. Обширная панорама событий была воссоздана в пятитомной «Блокаде» А. Чаковского. Действие перебрасывается из Берлина в маленький городок Белокаменск. Из бункера Гитлера в кабинет Жданова, с передовой на дачу Сталина. Хотя в собственно романических главах преимущественным вниманием автора пользуются семьи Королевых и Валицких, пред нами все-таки роман не семейный, а последовательно публицистический по своей композиции: авторский голос не только комментирует движение сюжета, но и направляет его. По событийно-публицистической логике в действие самые разные социальные слои – военные, дипломаты, партийные работники, рабочие, студенты. Стилевой доминантой романа явилось художественное осмысление и воспроизведение исторических событий, основанное на ставших доступными документах, мемуарах, научных публикациях. Из-за остро проблемного, публицистического характера романа вымышленные действующие лица оказались в большей мере социальными символами,

социальными ролями, чем художественно своеобразными, самобытными типами. Они несколько затеряны в вихре событий большого масштаба, ради изображения которых был задуман роман. То же относится и к его роману «Победа» и к трехтомной «Войне» А. Стаднюка, повторившей те же принципы, которые были опробованы Чаковским, но уже не на материале Ленинградской обороны, а Смоленского сражения.

Вторую ветвь составили романы панорамно-семейные. («Вечный зов» А. Иванова, «Судьба» П. Проскурина). В этих романах публицистический элемент занимает меньшее место. В центре произведения не исторический документ или образы государственных деятелей, а жизнь и судьба отдельной семьи, которая разворачивается на протяжении многих, а иногда и десятков лет на фоне крупных исторических потрясений и событий.

И третий тип – это романы К. Симонова «Живые мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето», А. Гроссмана «Жизнь и судьба». В этих произведениях нет стремления охватить как можно более широкое поле исторических событий и действия всех социальных прослоек, но в них есть живая соотнесенность частных судеб с коренными проблемами народного бытия.

Так проявлялись в приметных произведениях о войне важные идейно-стилевые процессы, среди которых можно выделить усиление интереса к судьбе простого человека, замедленность повествования, влечение к развитой гуманистической проблематике, к общим вопросам человеческого бытия. С некоторой долей условности можно прочертить такой пунктир движения военной прозы: в первые послевоенные годы – подвиг и герой, затем более объемное, тяготеющее к полноте изображение человека на войне, далее пристальный интерес к гуманистической проблематике, заложенной в формуле человек и война, и, наконец, человек против войны, в широком сопоставлении войны и мирного бытия.

Еще одним направлением прозы о войне стала документальная проза. Примечательно усиление интереса к таким документальным свидетельствам о судьбе человека и участи народа, которые по отдельности носили бы частный характер, но в своей совокупности создают живую картину.

Особенно много сделали в этом направлении О. Адамович, составивший сначала книгу записей рассказов жителей случайно уцелевшей деревни, истребленной гитлеровцами «Я из огненной деревни». Затем вместе с Д. Ганиным издали «Блокадную книгу», основанную на устных и письменных свидетельствах ленинградцев о блокадной зиме 1941-1942 годов, а также произведения С. Алексеевича «У войны не женское лицо» (воспоминания женщин-фронтовичек) и «Последний свидетель» (рассказы детей о войне).

В первой части «Блокадной книги» публикуются снабженные авторским комментарием записи бесед с блокадниками – жителями Ленинграда, пережившими блокаду. Во второй – три прокомментированных дневника – научного сотрудника Князева, школьника Юры Рябикина и матери двух детей Лидии Охупкиной. И устные свидетельства, и дневники, и другие используемые авторами документы передают атмосферу героизма, боли, стойкости, страданий, взаимовыручки – ту подлинную атмосферу жизни в блокаде, которая предстала взору рядового участника.

Такая форма повествования давала возможность представителям документальной прозы поставить некоторые общие вопросы жизни. Перед нами не документально-публицистическая, а документально-философская проза. В ней главенствует не открытый публицистический пафос, а раздумья авторов, так много писавших о войне и так много думавших о природе мужества, о власти человека над своей судьбой.

Продолжала развиваться романтико-героическая проза о войне. К этому типу повествования относятся произведения «А зори здесь тихие», «В списках не значился» Б. Васильева, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «Навеки девятнадцатилетние» Г. Бакланова. Романтическая манера отчетливо обнажает все важнейшие качества военной прозы: военный герой чаще всего трагический герой, военные обстоятельства чаще всего

трагические обстоятельства, будь то конфликт человечности с бесчеловечностью, жажда жизни с суровой необходимостью жертв, любовь и смерть и т.д.

2. В эти годы на одно из первых мест по своей значимости выходит «деревенская проза».

50-60-е годы – это особый период в развитии русской литературы. Преодоление последствий культа личности, сближение с действительностью, изживание элементов бесконфликтности, приукрашивания жизни – все это характерно для русской литературы этого периода.

В это время выявляется особая роль литературы как ведущей формы развития общественного сознания. Это привлекало писателей к нравственной проблематике. Примером этому служит «деревенская проза».

Термин «деревенская проза», включенный в научный оборот и в критику остается спорным. И поэтому нам необходимо определиться. Прежде всего под «деревенской прозой» мы подразумеваем особую творческую общность, то есть это в первую очередь произведения, объединенные общностью тем, постановкой нравственно-философских и социальных проблем. Для них характерно изображение неприметного героя-труженика, наделенного жизненной мудростью и большим нравственным содержанием. Писатели этого направления стремятся к глубокому психологизму в изображении характеров, к использованию местных речений, диалектов, областных словечек. На этой почве вырастает их интерес к историко-культурным традициям русского народа, к теме преемственности поколений. Правда, употребляя в статьях и исследованиях этот термин, авторы всегда подчеркивают, что он носит элемент условности, что пользуются им в узком понимании.

Однако писателей сельской темы это не устраивает, ибо ряд произведений значительно выходит за рамки такого определения, разрабатывая проблематику духовного осмысления человеческой жизни вообще, а не только деревенских жителей.

Художественная литература о селе, о человеке-крестьянине и его проблемах на протяжении 70 лет становления и развития отмечена несколькими этапами: 1. В 20-е годы в литературе были произведения, которые спорили друг с другом о путях крестьянства, о земле. В произведениях И. Вольнова, Л. Сейфуллиной, В. Иванова, Б. Пильняка, А. Неверова, Л. Леонова действительность деревенского уклада воссоздавалась с разных идейно-социальных позиций. 2. В 30-50-е годы уже преобладал жесткий контроль над художественным творчеством. В произведениях Ф. Панферова «Бруски», «Стальные ребра» А. Макарова, «Девки» Н. Кочина, Шолохова «Поднятая целина» отразились негативные тенденции в литературном процессе 30-50-х годов. 3. После разоблачения культа личности Сталина и его последствий происходит активизация литературной жизни в стране. Для этого периода характерно художественное многообразие. Художники осознают свое право на свободу творческой мысли, на историческую правду.

Новые черты, прежде всего, проявлялись в деревенском очерке, в котором ставятся острые общественные проблемы. («Районные будни» В. Овечкина, «На среднем уровне» А. Калинина, «Падение Ивана Чупрова» В. Тендрякова, «Деревенский дневник» Е. Дороша»).

В таких произведениях как «Из записок агронома», «Митрич» Г. Тропольского, «Ненастье», «Не ко двору», «Ухабы» В. Тендрякова, «Рычаги», «Вологодская свадьба» А. Яшина писатели создали правдивую картину бытового уклада современной деревни. Эта картина заставляла задуматься о многообразных последствиях социальных процессов 30-50-х годов, о взаимоотношениях нового со старым, о судьбах традиционной крестьянской культуры.

В 60-е годы «деревенская проза» выходит на новый уровень. Рассказ "Матренин двор" А. Солженицына занимает важное место в процессе художественного осмысления народного бытия. Рассказ представляет собой новый этап в развитии «деревенской прозы».

Писатели начинают обращаться к темам, которые раньше были запретными: 1. трагические последствия коллективизации («На Иртыше» С. Залыгина, «Кончина» В. Тендрякова, «Мужики и бабы» Б. Можяева, «Кануны» В. Белова, «Драчуны» М. Алексеева и др.). 2. Изображение близкого и далекого прошлого деревни, ее нынешних забот в свете общечеловеческих проблем, губительное влияние цивилизации («Последний поклон», «Царь-рыба» В. Астафьева, «Прощание с Матерой», «Последний срок» В. Распутина, «Горькие травы» П. Проскурина). 3. В «деревенской прозе» этого периода наблюдается стремление приобщить читателей к народным традициям, выразить естественное миропонимание («Комиссия» С. Залыгина, «Лад» В. Белова).

Таким образом, изображение человека из народа, его философии, духовного мира деревни, ориентация на народное слово – все это объединяет таких разных писателей, как Ф. Абрамов, В. Белов, М. Алексеев, Б. Можяев, В. Шукшин, В. Распутин, В. Лихоносов, Е. Носов, В. Крупин и др.

Русская литература всегда была знаменательна тем, что как ни одна литература в мире занималась вопросами нравственности, вопросами о смысле жизни и смерти и ставила глобальные проблемы. В «деревенской прозе» вопросы нравственности связаны с сохранением всего ценного в сельских традициях: вековой национальной жизни, уклада деревни, народной морали и народных нравственных устоев. Тема преемственности поколений, взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, проблема духовных истоков народной жизни по-разному решается у разных писателей.

Так, в произведениях Овечкина, Троепольского, Дороша приоритетным является социологический фактор, что обусловлено жанровой природой очерка. Яшин, Абрамов, Белов связывают понятия «дом», «память», «быт». Фундаментальные основы прочности народной жизни они связывают с соединением духовно-нравственных начал и творческой практики народа. Тема жизни поколений, тема природы, единство родового, социального и природного начал в народе характерна для творчества В. Солоухина. Ю. Куранова, В. Астафьева.

3. Новаторский характер, связанный со стремлением глубже проникнуть в нравственный и духовный мир современника, исследовать исторический опыт общества присущ творчеству многих писателей этого периода.

Одной из новаторских и интересных тем в литературе 60-х годов была тема лагерей и сталинских репрессий.

Одним из первых произведений, написанных на эту тему стали «Колымские рассказы» В. Шаламова. В. Шаламов – писатель непростой творческой судьбы. Он сам прошел через лагерные застенки. Свой творческий путь он начинал как поэт, а в конце 50-х-60-е годы он обратился к прозе. В его рассказах с достаточной степенью откровенности передан лагерный быт, с которым писатель был знаком не понаслышке. В своих рассказах он умел дать яркие зарисовки тех лет, показать образы не только эков, но и их охранников, начальников лагерей, где ему пришлось сидеть. В этих рассказах воссозданы страшные лагерные ситуации – голода, дистрофии, унижения людей озверелыми уголовниками. В «Колымских рассказах» исследуются коллизии, в которых узник «доплывает» до прострации, до порога небытия.

Но главное в его рассказах – это не только передача атмосферы ужаса и страха, но и изображение людей, которые в то время сумели сохранить в себе лучшие человеческие качества, готовность прийти на помощь, ощущение того, что ты не только винтик в огромной машине подавления, а прежде всего человек, в душе которого живет надежда.

Представителем мемуарного направления «лагерной прозы» был А. Жигулин. Повесть Жигулина «Черные камни» – произведение сложное, неоднозначное. Это документально-художественное повествование о деятельности КПМ (Коммунистической партии молодежи), в которую входили тридцать мальчишек, в романтическом порыве объединившиеся для сознательной борьбы с обожествлением Сталина. Она построена как воспоминания автора о своей молодости. Поэтому в отличие от произведений других

авторов в ней много так называемой «приблатненной романтики». Но в то же время Жигулин сумел точно передать ощущение той эпохи. С документальной достоверностью писатель пишет о том, как зарождалась организация, как проводилось следствие. Писатель очень наглядно обрисовал проведение допросов: «Следствие вообще велось подло... Подло велись и записи в протоколах допросов. Полагалось записывать слово в слово – как отвечает обвиняемый. Но следователи неизменно придавали нашим ответам совсем иную окраску. Например, если я говорил: «Коммунистическая партия молодежи», - следователь записывал: «Анτισоветская организация КПМ». Если я говорил: «собрание», - следователь писал «сборище». Жигулин как бы предупреждает, что главной задачей режима было «проникнуть в мысль», еще даже не родившуюся, проникнуть и задушить ее до колыбели. Отсюда заблаговременная жестокость самонастраивающейся системы. За игру в организацию, игру полудетскую, но смертельно опасную для обеих сторон (о чем обе стороны знали) – десять лет тюремно-лагерного кошмара. Так функционирует тоталитарная система.

Еще одним ярким произведением на эту тему стала повесть «Верный Руслан» Г. Владимова. Это произведение написано по следам и от имени собаки, специально обученной, натасканной на то, чтобы водить под конвоем заключенных, «делать выборку» из той же толпы и настигать за сотни верст рискнувших на побег сумасшедших. Собака как собака. Доброе, умное, любящее человека больше, чем сам человек любит своих сородичей и самого себя существо, предназначенное велениями судьбы, условиями рождения и воспитания, выпавшей на долю ему лагерной цивилизации нести обязанности охранника, и если понадобится, палача.

В повести у Руслана одна производственная забота, ради которой он и живет: это, чтобы соблюдался порядок, элементарный порядок, и арестанты сохраняли бы установленный строй. Но в то же время, автор подчеркивает, что он слишком добр по природе (смел, но не агрессивен), умен, рассудителен, самолюбив, в лучшем смысле этого слова, он на все готов ради хозяина, пусть даже и умереть.

Но основное содержание повести Владиморова как раз и заключается в том, чтобы показать: в случае чего, а случай этот представился и совпадает с нашей эпохой, все лучшие возможности и способности не только собаки, а человека. Самые святые намерения переключаются, сами того не ведая, с добра на зло, с правды на обман, с преданности человеку на умение заворачивать человека, брать за руку, за ногу, брать за глотку, рискуя, если потребуется, и собственной головой, и превращать глупую кучу по наименованию «люди», «народ» в гармонический этап арестантов – в строй.

Несомненным классиком «лагерной прозы» является А. Солженицын. Его произведения на эту тему появились на исходе оттепели, первым из которых была повесть «Один день Ивана Денисовича». Первоначально повесть даже и называлась на лагерном языке: «Щ-854.(Один день зэка)». В небольшом «времени-пространстве» повести сочетаются многие человеческие судьбы. Это прежде всего кавторанг, Иван Денисович и кинорежиссер Цезарь Маркович. Время (один день) как бы вливается в пространство лагеря, в нем писатель сфокусировал все проблемы своего времени, всю сущность лагерной системы. Теме ГУЛАГА он посвятил также свои романы «В круге первом», «Раковый корпус» и большое документально-художественное исследование «Архипелаг ГУЛАГ», в котором предложил свою концепцию и периодизацию развернувшегося в стране после революции террора. Эта книга основана не только на личных впечатлениях автора, но и на многочисленных документах и письмах-воспоминаниях самих заключенных.

4. В конце 60-х начале 70-х годов в литературном процессе происходит движение идей и форм, ломка привычных форм повествования. Тогда же складывается особый тип прозы, которая выдвигала концепции о личности и истории, о нравственности абсолютной и прагматической, о человеческой памяти в океане загадок бытия, вещей. Об интеллигентности и люмпенстве. В разное время такую прозу называли по-разному то

«городской», то «социально-бытовой», но в последнее время за ней укрепился термин «интеллектуальная проза».

Показательными для прозы этого типа стали повести Ю. Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Старик», В. Маканина «Предтеча», «Лаз», «Сюжеты усреднения», повесть Ю. Домбровского «Хранитель древностей», имевшая скрытое до 1978 года продолжение в виде его романа-завещания «Факультет ненужных вещей». В самиздате начала свой путь повесть о философствующем пьянице Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»: ее герой имел в биографии принципиальный пробел – «ни разу не видел Кремля», и вообще «согласен был жить вечно, если мне покажут на земле уголок, где не всегда есть место подвигу». Немалый успех сопровождал появление повести В. Семина «Семеро в одном доме», чрезвычайно лиричных, интимных рассказов и повестей В. Лихоносова «Брянские», «Люблю тебя светло», повесть В. Крупина «Живая вода», романы Б. Ямпольского «Московская улица», Ф. Горенштейна «Псалом», «Место», «Последнее лето на Волге». Но особенно интересен роман А. Битова, художника одержимого культурой как главным материалом созидания личности, памяти, системы самоанализа, - «Пушкинский дом».

Произведения этих писателей различны по своей интонации и стилистике: это семейно-бытовые повести Трифонова, и иронически-гротескные романы Вен. Ерофеева, и философско-культурологический роман А. Битова. Но во всех этих произведениях авторы интерпретируют мир человека через культуру, духовную, религиозную и материально-бытовую.

5. В конце семидесятых годов в русской литературе зарождается направление, которое получает условное название «артистической прозы» или «прозы сорокалетних» («Старших семидесятников»). Следует признавать условность этого термина, который только определяет возрастные границы писателей или некоторые особенности стилистики. Истоки артистической прозы в 20-х годах прошлого столетия, в творчестве Ю. Олеси, М. Булгакова, В. Набокова.

Само направление не было однородным, внутри него критики различали аналитическую прозу (Т. Толстая, А. Иванченко, И. Полянская, В. Исхаков), романтическую прозу (В. Вязьмин, Н. Исаев, А. Матвеев), абсурдистскую прозу (В. Пьецух, Е. Попов, Вик. Ерофеев, А. Верников, З. Гареев). При всех своих различиях всех их объединяет одно: авторы этой прозы, зачастую выпадая из «ближнего» исторического времени, непременно стараются пробиться к большому времени человечества, цивилизации, и, главное, мировой культуры. С единственным уточнением, большое время становится и большой игрой.

Одним из ярких представителей этого направления является Т. Толстая. Она является автором многих рассказов и повестей. Основной темой ее творчества является тема детства (рассказы «На золотом крыльце сидели...», «Свидание с птицей», «Любишь не любишь»). В этих рассказах восприятие героев абсолютно адекватно празднику жизни. У Т. Толстой детский взгляд бесконечен, открыт, неокончателен, как и сама жизнь. Но важно понять: дети у Толстой – всегда дети сказки, дети поэзии. Они живут в придуманном, иллюзорном мире.

Те же самые мотивы присутствуют в прозе А. Иванченко («Автопортрет с другом», «Яблоки на снегу»). У него очевиден тот же контраст между праздничностью игрового, артистического слова и бескрылой, бесплодностью реальности. И у Иванченко детство с наслаждением переживается вновь как пора чего-то красивого и сказочного. Их герои пытаются сбросить свое «я» в сказке-иллюзии.

Яркими представителями романтического направления артистической прозы являются В. Вязьмин и Н. Исаев. Большой интерес критики вызвал роман Н. Исаева «Странная вещь! Непонятная вещь! Или Александр на островах». Автор сопровождал свой труд жанровым подзаголовком «Счастливая новогреческая пародия». Весь его текст – это фантастические, веселые, фамильярно раскованные диалоги с Пушкиным или на темы

Пушкина. Тут сочетаются пародия и перифраз, импровизация и стилизация, шутки Исаева и стихи Пушкина, тут есть даже черт – игровой собеседник Пушкина. Он, в сущности, составляет ироническую пушкинскую энциклопедию. Он строит свой, лирический, вольный, потому что счастливо-идеальный мир культуры, мир поэзии.

Традиции Гофмана следует в своей повести «Его дом и он сам» В. Вязьмин. В игровой тон повести вписывается и многостильность повествования. Здесь рядом с артистически стилизованными авторскими монологами привольно располагается пласт детективно-сказочного повествования, тут же – старинная романтическая новелла, страницы в сказочно-фольклорной манере, древнекитайские притчи, но главное место занимают рефлексивные монологи главного героя Ивана Петровича Маринина. Оба писателя в своих произведениях создают современную сказку или культурологическую утопию, которая невозможна в реальной жизни, но является выходом для героев их произведений.

По-другому строят свой мир герои Пьецуха, Попова и Вик. Ерофеева. Двоимирие тоже является для них критерием оценки современной действительности. Но они считают, что жизнь более фантастична чем вымысел, и поэтому их произведения строятся на показе абсурда и хаоса нашего мира. В этом плане следует выделить повести и рассказы «Потоп», «Новая московская философия», «Бич божий», «Центрально-Ермолаевская война», «Я и дуэлянты», «Угон», «Сокровенное» В. Пьецуха, «Душа патриота, Или Различные послания к Фефичкину», «Автовокзал», «Светлый путь», «Как съели петуха», «Странные совпадения», «Электронный баян», «Нет, не о том», «Щигля», «Зеленый массив», «Как мимолетное виденье», «Барабанщик и его жена барабанщица», «Тетя Муся и дядя Лева» Е. Попова, «Попугайчик», «Письмо к матери» Вик. Ерофеева.

В произведениях авторов этого направления выражается ситуация разложения и развала социальных устоев, чувство относительности ценностей и беспредельной разомкнутости сознания, она становится знаком надвигающейся катастрофы и глобальных потрясений, что выражается в постоянном сосуществовании двух миров в сознании героев: реального и ирреального, которые существуют независимо друг от друга.

б. Процесс углубления историзма происходит в собственно исторической прозе. Исторический роман, который в 70-е годы находился на подъеме (что дало возможность критике говорить о возрождении исторической прозы), приобретает особую актуальность в контексте современного литературного движения. Прежде всего обращает на себя внимание многообразие тем и форм современной исторической прозы. Цикл романов о Куликовской битве («Искупление» В. Лебедева, «Куликово поле» В. Возовикова «Чур меня» Б. Дедюхина), романы о Разине, Ермаке, Вольном Новгороде вносят новое в трактовку русской истории по сравнению с исторической прозой предшествующих десятилетий.

Современные поиски в области художественной формы (лиризм и одновременно усиление роли документа, возрастание философского начала, а отсюда тяготение к условно-символическим приемам, притчевой образности, свободному обращению с категорией времени) задели и прозу, посвященную прошлым эпохам. Если в 20-30-е годы – пору становления исторической романистики – исторический персонаж представал как воплощение определенной социально-экономической закономерности, то проза 70-80-х годов, не утрачивая этого важного завоевания идет дальше. Она показывает взаимосвязь личности и истории многоаспектнее и опосредованнее.

«Искупление» В. Лебедева – один из значительных романов о Куликовской битве. Образ Дмитрия Донского, государственного деятеля, дипломата и полководца, умело объединяющего силы формирующейся русской нации, - в центре внимания художника. Показывая бремя ответственности исторической личности за судьбы народа и государства писатель не обходит сложные противоречия эпохи.

В романах "Марфа-посадница", «Великий стол», «Бремя власти» и «Симеон Гордый» Д. Балашов показывает, как формировалась и побеждала идея объединения Руси,

выковавшаяся в бесконечных междоусобицах и борьбе с ордынским игом. Два последних романа писатель посвящает теме создания централизованного русского государства во главе с Москвой.

Широкую известность приобрели романы В. Пикуля, посвященные различным этапам русской жизни XVIII-XX веков. Среди них особенно выделяются такие произведения, как «Пером и шпагой», «Слово и дело», «Фаворит». Автор привлекает богатейший историко-архивный материал, вводит огромное количество действующих лиц, по-новому освещая многие события и ряд деятелей русской истории.

Интересен и необычен художественно-документальный роман-эссе «Память» В. Чивилихина. Дополнительное жанровое уточнение потребовалось, видимо, потому, что в беллетризованную ткань произведения органично вплетаются смелые научные гипотезы – плоды огромного исследовательского труда. Писатель поведал о жестоких схватках с иноземными поработителями и об истоках духовного величия русского народа, сбросившего в длительной и тяжелой борьбе монголо-татарское иго. Здесь далекое прошлое России, средние века, декабристская эпопея связаны единой нитью с нашей, уже близкой историей и сегодняшним днем. Автора привлекают многообразие свойств и признаков русского национального характера, его взаимодействие с историей. Наша современность – это и звенья памяти бесчисленных поколений. Именно память выступает мерой человеческой совести, той нравственной координатой, без которой рассыпаются в прах усилия, не цементированные высокой гуманистической целью.

Федор Александрович Абрамов (1920-1983) не знал ученического периода. До начала творческого пути он уже был известным ученым-литературоведом.

Его первый роман «Братья и сестры» сразу принес ему известность. Этот роман стал первой частью тетралогии «Пряслины». Повести «Безотцовщина», «Пелагея», «Алька», а также сборник рассказов «Деревянные кони» были заметным явлением в литературе 60-х годов. Федор Абрамов в своих произведениях изображает жизнь и быт деревни, начиная с военных лет и до настоящих дней и обращает пристальное художническое внимание на истоки национального характера, а судьбы простых людей дает в соотношении с историческими судьбами народа. Жизнь деревни в разные исторические периоды – основная тема творчества Ф. Абрамова. В его тетралогии «Пряслины» («Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом») изображена жизнь северной деревни Пекашино, начало действия относится к весне 1942 года, конец – к началу 70-х годов.

В романе проходит история нескольких поколений крестьянских семей. Ставятся нравственные проблемы человеческих взаимоотношений, проблемы руководства, вскрывается роль личности и коллектива. Значителен образ Анфисы Петровны, выдвинутой в председатели колхоза в суровые годы войны. Анфиса Петровна – женщина сильного характера и великого трудолюбия. Она сумела в тяжелое военное лихолетье организовать работу в колхозе, подобрать ключ к сердцам односельчан. В ней соединяются требовательность и человечность.

Показав жизнь деревни без прикрас, ее тяготы и нужды, Абрамов создал типичные характеры представителей народа, таких, как Михаил Пряслин, его сестра Лиза, Егорша, Ставров, Лукашин и другие.

Михаил Пряслин после ухода отца на фронт и после его гибели, несмотря на свою молодость, становится хозяином дома. Он чувствует ответственность за жизнь братьев и сестры, матери, за труд в колхозе.

Полон обаяния характер его сестры Лизы. Ее маленькие руки не боятся никакого труда.

Егорша – во всем антипод Михаила. Веселый, остроумный и находчивый приспособленец, он не хотел и не умел работать. Все силы ума своего он направлял на то, чтобы жить по принципу: «Где бы ни работать, лишь бы не работать».

Михаил Пряслин в первых книгах тетралогии все силы направляет на то, чтобы избавить свое многочисленное семейство от нужды и поэтому стоит в стороне от общественной жизни. Но в конце произведения Михаил становится ее активным участником, вырастает как личность. Абрамов показал, что, несмотря на все трудности и беды, жители деревни Пекашино в тяжелые годы войны жили верой в победу, надеждой на лучшее будущее и не покладая рук трудились, чтобы мечты стали действительностью. Изображая три типа руководителей деревни – Лукашина, Подрезова, Зарудного, Абрамов отдает симпатии Лукашину, который следует демократическим принципам руководства, сочетая принципиальность с человечностью.

Писатель показал нам, как научно-технический прогресс вторгается в жизнь деревни, изменяет ее облик, характеры. Писатель в то же время выражает сожаление, что уходят из деревни вековые традиции, обобщающие народный опыт, отражающие нравственное богатство души народной.

В романе «Дом» Абрамов ставит проблему отчего дома, Родины, нравственности. Писатель раскрывает высоконравственный мир Лизы, ее сердечность, бескорыстие, доброту, верность отчему дому заставляет Михаила Пряслина осудить себя за черствость и бессердечие по отношению к сестре.

Виктор Петрович Астафьев (1924-2000) обратил на себя внимание читателей и критики повестями «Перевал» и «Стародуб».

Повесть «Стародуб» посвящена Леониду Леонову. Вслед за выдающимся прозаиком В. Астафьев ставит проблему – человек и природа. Феофан и его приемный сын Култыш воспринимаются окружающими как дикие своенравные люди, которые многим непонятны. Писатель раскрывает в них замечательные человеческие качества. Они несут в себе любовное и трогательное отношение к природе, они подлинны дети и хранители тайги, свято соблюдают ее законы. Берут под свою охрану животный мир и богатые леса. Считая тайгу хранилищем природных богатств, Феофан и Култыш к дарам природы относятся с чистым сердцем и этого требуют от других, твердо веря, что жестоко наказывает и хищников, и людей, истребляющих животный мир, не считаясь с его законами.

Повести «Кража» и «Последний поклон» носят автобиографический характер. В повести «Последний поклон» видно продолжение традиции автобиографических произведений Горького, в которой судьба героя изображается в тесном единении с народными судьбами. Но в то же время повесть Астафьева – самобытное и оригинальное произведение. Тяжелым и безрадостным было детство маленького Вити, рано потерявшего мать и оставшегося с пьяницей отцом, который вскоре после гибели жены (она утонула в Енисее) снова женился. Помогла Вите выстоять, научила его суровым, но справедливым законам жизни бабушка Катерина Петровна.

В образе бабушки можно увидеть в какой-то степени черты бабушки Алеши – Акулины Ивановны из повести Горького «Детство». Но Катерина Петровна – характер своеобразный, неповторимый. Великая труженица, суровая волевая женщина-крестьянка северного села, она в то же время человек, способный на большую строгую любовь к людям. Она всегда деятельна, мужественна, справедлива, готова прийти на помощь в дни горя и бед, нетерпима ко лжи, фальши, жестокости.

Повесть «Где-то гремит война» включена в автобиографический цикл «Последний поклон». Война была всенародной трагедией. И хотя в далекое сибирское село она непосредственно не пришла, но и здесь определила жизнь, поведение людей, их поступки, мечты, желания. Война всей тяжестью легла на жизнь народа. Огромный труд выпал на долю женщин и подростков. Похорожки несли трагедию не только в дом погибшего, но и во все село.

В. Астафьев показал мужество и стойкость народа, его несгибаемость под всеми тяготами войны, веру в победу, героический труд. Война не ожесточила людей, которые были способны на "подлинную, несочиненную любовь к ближнему своему". В повести

созданы запоминающиеся характеры шорницы Дарьи Митрофановны, теток Августы и Васени, дяди Левонтия, детей - Кеши, Лидки, Кати и других.

Повесть «Звездопад» – лирическое повествование о любви. Она самая обыкновенная, эта любовь, и в то же время самая необыкновенная, такая, какой ни у кого не было, да и не будет. Герой, находящийся после ранения в госпитале, встречается с медсестрой Лидой. Автор шаг за шагом прослеживает зарождение и развитие любви, которая обогатила души героев, заставила смотреть на мир другими глазами. Герои расстаются и теряют друг друга, "но ведь тому, кто любил и был любим, не страшны тоска по ней и раздумья".

В повести «Пастух и пастушка» два временных аспекта: настоящее время и события войны – ожесточенные бои на Украине в феврале 1944 года.

Грохот и лязг войны, смертельная опасность, которая заключена в каждом бою, не может однако, заглушить человеческое в человеке. И Борис Костяев, пройдя через сильнейшие испытания войны, не потерял способности к всепоглощающему человеческому чувству. Его встреча с Люсей была началом огромной любви, любви, которая сильнее самой смерти. Эта встреча открыла для Бориса целый мир, неизведанный и сложный.

Действие повести «Печальный детектив» происходит в областном городе Вейске. Главный герой романа – работник милиции Леонид Сошнин, человек, предъявляющий к себе большие требования. Он заочно учится в пединституте, много читает, самостоятельно овладел немецким языком. Сошнина отличает гуманное отношение к людям, нетерпимость к преступникам всех видов. В повести много писательских раздумий над тревожными фактами нашей жизни, которые волнуют Астафьева.

Самобытность и необыкновенная способность отразить величие души народа характерны для прозы Василия Ивановича Белова (род. в 1932 г.), вступившего в литературу в 60-е годы. В центре рассказов и очерков Белова его родная лесная и озерная вологодская сторона. Писатель с большой художественной силой и выразительностью рисует быт и нравы и вологодской деревни. Но Белова никак нельзя назвать областным писателем. В своих героях он сумел вскрыть типичные черты людей нашего времени. В характерах, созданных Беловым, удивительно сплетаются национальные народные традиции и черты современности. Писатель выступает певцом природы, которая помогает его героям пережить невзгоды, будит в них подлинные человеческие качества.

Этапным произведением Белова стала повесть «Привычное дело». Рассказывая о простых людях деревни – Иване Африкановиче, его жене Катерине, бабке Евстоле и других, писатель подчеркивает богатство их внутреннего мира, мудрость их житейской философии, способность к великому чувству единения, терпеливое преодоление трудностей, неиссякаемое трудолюбие. Иван Африканович – и герой, и не герой. Участник Великой Отечественной войны, не раз раненный и никогда не подводивший своих боевых товарищей, в условиях мирной жизни он не отличается энергичностью, настойчивостью, умением облегчить тяжелую участь своей жены Катерины, устроить жизнь своей многодетной семьи. Он просто живет на земле, радуется всему живому, понимая, что лучше родиться, чем не родиться. И в этом сознании он наследует традиции своего народа, всегда относящегося к жизни и к смерти философски, понимающего назначение человека в этом мире.

В русской деревне Белов вскрывает связь и преемственность поколений, гуманное начало в отношении ко всему живому, идущее из глубины веков. Для писателя важно раскрыть величие нравственных качеств народа, его мудрое отношение к окружающему миру, к природе, к человеку.

Если в широко известных произведениях Белова «Привычное дело», «Кануны», «Лад» было дано изображение деревни, судеб ее жителей, то действие романа писателя «Все впереди» происходит в Москве. Герои романа Медведев, Иванов характеризуются стойкой душевной чистотой, высокой нравственностью. Им противопоставит карьерист

Михаил Бриш, подлый и безнравственный человек, который не только вторгся в чужую семью, но и сделал все, чтобы дети позабыли отца. Бесспорно, Белову не удалось отразить жизнь столицы с такой художественной силой и достоверностью, как жизнь деревни. Но в романе поставлены острые нравственные проблемы, такие, например, как разрушение семьи, которые являются, к сожалению, характерными для жизни современного общества.

Василий Макарович Шукшин (1929-1974) оставил глубокий след в литературе. Шукшина привлекал сложный духовный мир деревенских жителей, прошедших через события революции, гражданской войны, коллективизации, выстоявших в годы Великой Отечественной войны. С необыкновенной силой и художественной выразительностью писатель создает самые различные типы человеческих характеров. У его героев сложные, порой драматические судьбы, всегда заставляющие читателей думать том, как может сложиться судьба того или иного из них.

Шукшин заставил читателя понять, что простой человек, рядовой труженик не так прост, как кажется на первый взгляд. Сближение с городом рассматривается писателем как сложное явление. С одной стороны, это расширяет кругозор деревенских жителей, приобщая их к современному уровню культуры, а с другой город расшатал морально-этические устои деревни. Попав в город, житель деревни почувствовал себя свободным от тех привычных норм, которые были характерны для деревни. Этим Шукшин объясняет черствость, отчужденность людей города, приехавших из деревни и забывших о нравственных традициях, которые веками определяли жизнь их отцов и дедов.

Шукшин писатель-гуманист в высоком смысле этого слова. Он сумел увидеть в жизни «чудиков» – людей, которые обладают философским складом ума и не удовлетворяются обывательской жизнью. Таковы, например, герой рассказа «Микроскоп» столяр Андрей Ерин, который купил микроскоп и объявил войну всем микробам. Дмитрий Квасов, совхозный шофер, который задумал создать вечный двигатель, Николай Николаевич Князев, мастер по ремонту телевизоров, исписавший восемь общих тетрадей трактатами «О государстве», «О смысле жизни». Если «чудики» люди в основном ищущие и в своих поисках утверждающие идеи гуманизма, то противоположные им «античудики» – люди со «сдвинутой совестью» – готовы творить зло, жестоки и несправедливы. Таков Макар Жеребцов из одноименного рассказа.

В изображении деревни Шукшин продолжает традиции русской классической литературы. В то же время он отражает сложные взаимоотношения жителей города и деревни в наше время.

Деревня, ее жители прошли через сложные исторические события. Это не единое крестьянство. А люди самых различных профессий: и механизаторы, и шоферы, и агрономы, и техники, и инженеры, вплоть до нового священника, призывающего верить в индустриализацию, технику («Верую!»).

Отличительная особенность художника Шукшина это острое чувство современности. Его герои рассуждают о полете в космос, на Луну, Венеру. Они противостоят старым отжившим представлениям о мещанской сытости и благополучии. Таковы школьник Юрка («Космос, нервная система и шмат сала»), Андрей Ерин («Микроскоп»). Герои рассказов Шукшина упорно ищут смысл жизни и стараются определить свое место в ней («Беседы при ясной луне», «Осенью»).

Большое внимание в рассказах Шукшина уделяется проблеме личных взаимоотношений, в частности в пределах семьи («Сельские жители», «Одни», «Жена мужа в Париж провожала»). Здесь и разногласие между отцами и детьми, и несогласие в семейных отношениях, и различные взгляды героев на жизнь, труд, на свой долг и обязанности.

Создавая характеры современников, Шукшин отчетливо понимал, что их истоками является история страны и народа. Стремясь вскрыть эти истоки, писатель обратился к созданию романов, таких, как «Любавины» о жизни глухой алтайской деревушки в 20-е годы и «Я пришел дать вам волю» о Степане Разине.

Для творчества Валентина Григорьевича Распутина (род. в 1937 г.) характерна разработка морально-этических и нравственных проблем. Его произведения «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Пожар», рассказы получили высокую оценку критики и признание читателей.

С большим мастерством рисует писатель женские характеры. Запоминается образ старой Анны из повести «Последний срок». Жизнь Анны была суровой, работала не покладая рук в колхозе, растила детей. Преодолевала невзгоды военного времени, но не пала духом. И когда она чувствует приближение смерти, относится к ней по народному мудро и спокойно. Дети Анны. Приехавшие из разных мест проститься с матерью, уже не несут в себе тех высоконравственных качеств, какие свойственны Анне. Они утратили любовь к земле, растеряли и родственные связи, и смерть матери их мало волнует.

Важные современные проблемы отражаются и в повести «Прощание с Матерой». Матера – деревня, расположенная на небольшом острове посреди Ангары. В связи со строительством будущей ГЭС она будет затоплена, а ее жители переселяются в новый поселок. Автор с большой силой и проникновенностью сумел передать тяжелые переживания старшего поколения деревни. Для старой Дарьи, прожившей здесь жизнь, затопление деревни – великое горе. Она понимает, что ГЭС нужна, но ей трудно расстаться с избой, с родными могилами. Она готовится покинуть свою избу торжественно, строго. Зная, что изба будет сожжена, но помня, что здесь прошли ее лучшие годы, она моет, белит, чистит все в избе. Трудно расстаться с родными местами и ее сыну Павлу. Внук же Дарьи Андрей относится ко всему совершенно спокойно, без всяких переживаний. Он увлечен романтикой новыхстроек, и Матеру ему совсем не жалко. Дарью очень обидело, что, покидая навечно родное гнездо, внук не проявил уважения к отчужденному дому, не простился с землей, не прошелся в последний раз по родной деревне.

Распутин заставляет читателя почувствовать черствость и бездушие Андрея, его неуважение к традициям родных. В этом писатель близок к Шукшину, Абрамову, Белову, которые с тревогой пишут о равнодушии молодежи к отчужденному дому, о забвении ею народных традиций, которые веками передавались из поколения в поколение.

В своей небольшой повести "Пожар" Распутин заставляет читателя задуматься над тем положением, в котором оказалась страна. В бедах небольшого поселка лесозаготовителей-временщиков сфокусированы тревожные явления жизни, характерные для всего общества.

Взволнованно и художественно сильно рассказал писатель об утрате чувства хозяина своей страны, настроениях наемных работников, равнодушных к тому, что будет после них с поселком, где они живут, да и со страной в целом, о пьянстве, падении моральных устоев. Повесть Распутина имела большой успех и получила высокую оценку читателей.

Василь Быков единственный из писателей, сохранивший преданность исключительно военной теме. В своих произведениях он заостряет внимание на проблеме цены победы, нравственной активности личности, ценности жизни человека. Нравственная кульминация повести «Круглянский мост» заключалась в том, что старший в группе партизан-подрывников Бритвин, руководствующийся бездушным принципом, что «война – это риск людьми, кто больше рискует, тот и побеждает», послал на смертельное задание – взорвать мост – молодого парнишку, сына здешнего полицая, Другой партизан Степка в гневе пытается застрелить за это Бритвина. Так автор страстно выступал за то, что и на войне человек должен жить по совести, не поступаться принципами высокой человечности, не рисковать чужими жизнями, щадя свою собственную.

Проблема гуманистической ценности личности возникает в самых разных произведениях. Особенно интересуют Быкова такие ситуации, в которых человек, оставшись один, должен руководствоваться не прямым приказом, а своей совестью.

Учитель Мороз из повести «Обелиск» воспитывал в детях доброе, светлое, честное. И, когда пришла война, группа ребят из его небольшой сельской школы по сердечному порыву, хотя и опрометчиво, устроила покушение на местного полицая, заслуженно прозванного Каином. Детей арестовали. Немцы пустили слух, будто отпустят ребят, если явится укрывшийся у партизан учитель. Партизанам было ясно, что задумана провокация, что гитлеровцы все равно не отпустят подростков и с точки зрения практического смысла являться Морозу в полицию бессмысленно. Но писатель говорит о том, что кроме прагматической ситуации, есть и нравственная, когда человек должен подтвердить своей жизнью то, чему учил, в чем убеждал. Он не мог бы учить, не мог бы дальше убеждать, если бы хоть один человек подумал, что струсил, оставил детей в роковой момент. Упрочить веру в идеалы у отчаявшихся родителей, сберечь твердость духа у детей – вот чем был озабочен Мороз до последнего шага, подбадривая ребят, идя с ними на казнь. Ребята так и не узнали, что Мороз явился в полицию ради них: он не хотел унижать их жалостью, не хотел, чтобы они терзались мыслью о том, что из-за их поспешного, неумелого покушения пострадал любимый учитель. В этой трагической повести писатель осложняет задачу, вводя второе действие. Мотивы поступка Мороза были осуждены некоторыми как безрассудное самоубийство, и оттого после войны, когда на месте расстрела школьников соорудили обелиск, его фамилии там не оказалось. Но именно потому, что в душах людей проросло то доброе семя, которое он заронил своим подвигом. Нашлись и те, кто все-таки сумел добиться справедливости. Имя учителя было дописано на обелиске рядом с именами героев-ребят. Но и после этого автор делает нас свидетелями спора, в котором один человек говорит: «Особого подвига за этим Морозом я не вижу... Ну в самом деле, что он такого совершил? Убил ли он хоть одного немца?» В ответ один из тех, в ком жива благодарная память отвечает: «Он сделал больше, чем, если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху, сам добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент. И в чью пользу...» Этот аргумент как раз и относится к нравственной сфере: доказать всем, что твои убеждения сильнее грозящей смерти. Переступить через естественное чувство самосохранения, естественную жажду выжить, уцелеть – с этого начинается героизм отдельного человека.

В своих произведениях Быков любит сводить персонажей контрастных по характеру. Так происходит и в повести «Сотников». Все туже затягивается петля вокруг Сотникова и Рыбака – партизанских разведчиков, которые должны достать продовольствие для партизанского отряда. После перестрелки партизаны сумели оторваться от преследования, но из-за ранения Сотникова вынуждены укрыться в деревне в избе Демчихи. Там их лишенных возможности отстреливаться схватывает полиция. И вот они проходят страшные испытания в плену. Вот тут и расходятся их дороги. Сотников выбрал в этой ситуации героическую смерть, а Рыбак согласился вступить в полицаи, надеясь перебежать потом к партизанам. Но вынуждаемый гитлеровцами он выталкивает чурбан из-под ног бывшего боевого товарища, на шею которого накинута петля. И нет ему дороги назад.

Неторопливо воссоздает писатель в Сотникове характер человека цельного, последовательного в своей героической жизни и смерти. Но в повести есть свой поворот в изображении героического. Для этого Быков каждый шаг Сотникова соотносит с каждым шагом Рыбака. Для него важно не описать еще один героический поступок, а исследовать те нравственные качества, которые дают человеку силу перед лицом смерти.

Первые опубликованные в начале 60-х годов произведения Александра Исаевича Солженицына (род. в 1918 г.) повесть "Один день Ивана Денисовича", рассказ "Матренин двор" появились на исходе хрущевской оттепели. В наследии писателя они, как и другие небольшие рассказы тех лет: "Случай на станции Кочетовка", "Захар Калита", "Крохотки", остаются самыми бесспорными, классикой. С одной стороны классикой "лагерной" прозы, а с другой - классикой прозы "деревенской".

Наиболее значительными являются романы писателя "В круге первом", "Раковый корпус", "Архипелаг ГУЛАГ" и "Красное колесо".

В известном смысле "В круге первом" - это роман о пребывании героя-интеллекта Нержина в закрытом НИИ, в "шарашке". В романе Нержин в серии бесед с другими заключенными, с критиком Львом Рубиным, инженером-философом Сологдиным, долго и мучительно выясняет: кто же в подневольном обществе в меньшей степени живет по лжи. Эти всезнайки-интеллекты, пусть и страдающие или дворник Спиридон, вчерашний крестьянин. В итоге он приходит, после целой серии споров, крайне острых, глубоких, к мысли, что, пожалуй, Спиридон, не понимающий множества превратностей истории и своей судьбы, причин горя своей семьи, жил все же наивнее и чище, нравственней, непритворней, чем эти всезнайки, готовые служить злу за научную степень, лауреатский значок и т.п. Те, кого Солженицын впоследствии назовет "образованщиной", развращенные подачками интеллекты.

"Архипелаг ГУЛАГ" сам автор образно определил как "окаменелую нашу слезу", как реквием русской Голгофы. При всей тщательности коллекционирования документов о технологии средств, судов, казней ("В машинном отделении", "Поезда ГУЛАГа" и т.п.), перевозок заключенных, бытия лагеря в Соловках (" там власть не советская, а ... соловецкая) и т.п. книга Солженицына предстает гораздо крупнее тех произведений, что изобличали террор, перегибы репрессий как искажения генеральной линии партии. Целый поток лирических отступлений, выводов против фальсификаторов истории пробивается в летописи ГУЛАГа. Но только к моменту завершения "ГУЛАГа" Солженицын приходит к своей излюбленной идее - идее победы над злом через жертву, через неучастие, пусть и мучительное во лжи. В финале своей книги-реквиема, приговора тоталитаризму Солженицын произносит слова благодарности тюрьме, так жестоко соединившей его с народом, сделавшей его причастным к народной судьбе.

"Красное колесо" - это глубокомысленный трагический роман, хроника с совершенно уникальным образом автора-повествователя, с чрезвычайно активным самодвижущимся историческим фоном, с непрерывным передвижением вымышленных и подлинных героев. Подчиняя исторический процесс строго отмеченным срокам ("Красное колесо" - это серия романов-узлов вроде "Августа Четырнадцатого", "Октября Шестнадцатого" и т.п.) Солженицын неизбежно отодвигает вымышленных героев на второй план. Все это создает грандиозность панорамы: обилие персонажей, остроту ситуаций и в царской ставке, и в тамбовском селе, и в Петрограде, и в Цюрихе, придает особую нагрузку голосу повествователя, всему стилистическому строю.

Как отмечает критика многие повести Юрия Трифонова строятся на бытовом материале. Но именно быт становится мерилем поступков его героев.

В повести "Обмен" главный герой Виктор Дмитриев по настоянию расторопной жены Риты (и ее родичей Лукьяновых) решил съехаться с уже смертельно больной матерью, то есть совершить двойной обмен, взойти в квартирном плане на более престижный уровень. Метания героя по Москве, тупой нажим Лукьяновых, его поездка на дачу в кооператив "Красный партизан", где некогда в 30-е годы жили его отец и братья, люди с революционным прошлым. И обмен, вопреки желанию самой матери, свершен. Но оказывается "обмен" был свершен гораздо раньше. Больная Ксения Федоровна, хранительница какой-то нравственной высоты, особого аристократизма, говорит сыну о его снижении "олукьянивании": " - Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел... - Вновь наступило молчание. С закрытыми глазами она шептала невнятицу: - Это было очень давно, и бывает всегда, каждый день, так что ты не удивляйся, Витя. И не сердись. Просто так незаметно".

В другой повести, "Предварительные итоги", герой - переводчик, изнуряющий свой мозг и талант, переводя ради денег нелепую поэму некоего Мансура "Золотой колокольчик" (прозвище восточной девушки, данное ей за звонкий голосок), меняет что-то возвышенное на усредненное, стандартное, сделанное по мерке. Он способен чуть ли

не на грани самонасмешки оценивать свой труд: "Практически умею переводить со всех языков мира, кроме немецкого и английского, которые немного знаю - но тут у меня не хватает духу или, может быть, совести". Но еще более странный обмен, от которого герой убегает, но с которым в итоге смирится, свершается в его семье, с сыном Кириллом, женой Ритой, гоняющейся за иконами как частью мебели, усвоившей цинично-упрощенную мораль репетитора Гартвига, подруги Ларисы. Иконы, книги Бердяева, репродукции Пикассо, фотография Хемингуэя - все это становится предметом тщеславия и обмена.

В повести "Долгое прощание" в состоянии обмена, распыления сил живет и актриса Ляля Телепнева, и ее муж Гриша Ребров, сочиняющий заведомо средние пьесы. Обмен, хроническая неудача сопутствуют им и тогда, когда нет ролей, нет успеха, и даже тогда, когда Ляля вдруг обрела успех в громком спектакле по пьесе Смолянова.

Трифонов очень жалеет своих уступчивых, идущих на обмен героев, деликатных, мягких, но видел и бессилие их аристократизма.

ПОЭЗИЯ 60-90-Х ГОДОВ

1. Творчество поэтов - "шестидесятников".
2. "Органичная" поэзия.
3. "Неорганичная" ("книжная") лирика.
4. Постмодернизм.

1. Поэзия 60-х годов, так же как и проза, связана с современностью. Современность в представлении поэтов - это не просто сегодняшний день, а движение времени.

В 60-е годы продолжают работать поэты старшего поколения, начавшие свой творческий путь в 20-30-е годы. (Н. Асеев, А. Прокофьев, А. Твардовский и другие).

Интенсивно развивается и философская лирика. Расширяется ее диапазон. Можно выделить несколько тематических и интонационных линий: героическая лирика, связанная с войной, углубление философской лирики, обусловленной новым осмыслением жизни, красоты, интерпретацией вечных тем дружбы, любви и т.д.

Одним из наиболее ярких представителей философской лирики был Николай Алексеевич Заболоцкий.

50-е годы были и вершинным этапом, и концом творческого пути для этого поэта. Он размышляет об извечных философских вопросах, жизни и смерти, любви и дружбы и т.д. и заставляет читателя размышлять о смысле и содержании своей жизни, о значении и месте человека на земле. Поэт часто обращается к приему контраста. Общее признание получили его стихотворения "Старая актриса", "Некрасивая девочка", "Жена". Позабытый кумир театральной Москвы, старая актриса, превратив свой дом в своеобразный музей, пребывает в надежде, что "ее красе вечно сиять суждено в этом доме, как некогда прежде". Контрастом звучит описание девочки, дальней родственницы актрисы, которая ютится в полутемном низком подвале, где-то в сыром углу, прислуживая тетке. Девочка наблюдает жадность тетки, которая алчно пересчитывает и прячет деньги. Стихотворение заканчивается глубоким философским обобщением:

Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства.

В стихотворениях "О красоте человеческих лиц", "Некрасивая девочка" ставятся проблемы красоты человека. Н. Заболоцкий рисует многообразные человеческие лица, которые напоминают и "пышные порталы", и "жалкие лачуги", но в основном человек прекрасен своей человечностью, "внутренним озарением". Поэтому закономерны заключительные строки стихотворения о том, "что есть лица подобны ликующим песням".

Всеобщее внимание привлекает стихотворение "Некрасивая девочка". У девочки-дурнушки, напоминающей лягушонка, и "рот длинен, зубки кривы, черты лица остры и некрасивы". И в то же время ребенок полон добра, любви к своим сверстникам и обладает редкой грацией души, которая сквозит в любом ее движении. Н. Заболоцкий - мастер создания концовок стихотворения, в котором, подводя итог сказанному, дает некую формулу философского открытия. Такова концовка этого стихотворения:

А если это так, то что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота
Или огонь, мерцающий в сосуде?

По принципу контраста написано и стихотворение жена. В нем поэт слагает гимн безответной трогательной любви женщины к мужу, бесконечному преклонению перед его трудом. И в ответ на такую любовь муж относится к ней с равнодушием и высокомерием. Полны иронии слова, обращенные к такому человеку:

Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай, ни Гете, ни Данте
Не знали любви, столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.

Горько звучит вопрос автора: "Как мог ты не видеть доселе сокровище жизни своей?".

Завещанием поэта последующим поколениям является стихотворение, опубликованное уже посмертно, где он писал:

Не позволяй душе лениться!
Что б в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

В 60-е годы в литературу приходит много новых молодых поэтов, среди которых можно выделить Е. Евтушенко, Р. Рождественского и А. Вознесенского.

Евгений Евтушенко - поэт открытых эмоций, решительно и определенно заявляющий о своих симпатиях и антипатиях. Быстрый отклик на текущие события - характерная черта не только многих его стихотворений, но и произведений крупной лиро-эпической формы.

Наряду с публицистикой определенное место в творчестве Евтушенко занимает тема любви. Неопределенность эмоций начальных стихов о любви, первые, еще неглубокие переживания уступают место более зрелому пониманию внутреннего мира человека. Возникает тревога за любовь, страх обидеть, потерять любимую женщину ("Когда взшло твоё лицо...", "Зеркало", "Заклинание" и др.)

Евтушенко широко использует ассонансную рифму, которая стала определять стиль поэта в целом. Традиционная форма стиха с его устойчивой метрической системой тоже представлена в творчестве поэта. В этом ключе создан ряд стихотворений. ("Хотят ли русские войны", "Вальс о вальсе", "Со мною вот что происходит" и др.).

В середине 60-х годов поэт все чаще декларирует свою приверженность к усвоению наследия русской классики, традиций Пушкина и Некрасова, Пастернака и Ахматовой. Об этом и "Молитва перед поэмой" из "Братской ГЭС", явившейся итогом раздумий Евтушенко после поездок на Север и в Сибирь.

Тема связи истории с современностью получила воплощение также в сборнике стихотворений "В полный рост", куда вошли три поэмы: "В полный рост", "Просека", "Ивановские ситцы".

Искания другого поэта, Андрея Вознесенского, в области стилистики и версификации порой совпадали с интересными и свежими мыслями об эпохе НТР, и тогда рождались запоминающиеся образы, емкие формулы. Так чередуя стихотворные главки с прозаическими, (поэма "Оза") поэт изображает чуждый духу человека мир, в котором "быть человеком некогда", ибо "идет в мире роботизация". Хорошо понимая противоречивый характер взаимосвязей между научно-техническими открытиями и гуманитарным обеспечением человеческой личности, поэт убежденно провозглашает: "Все прогрессы реакционны, если рушится человек". Для поэзии Вознесенского характерна свойственность к эстетическим парадоксам и словоизобретательности.

В 70-е годы в поэзии Вознесенского заметны иные мотивы, подходы к творчеству (сборники "Дубовый лист виолончельный", "Витражных дел мастер"): ощущение боли при виде несовершенств и несправедливостей современного мира не проходит, но дополняется как бы заново увиденными гранями жизни. Так возникает чувство признательности, любви к родному краю ("Озеро", "Груша заглохшая, а чаще одна..."), новое осмысление явлений окружающей действительности ("Ностальгия по настоящему"). В его творчестве глубже зазвучали гражданские мотивы, обострилось чувство ответственности за настоящее и будущее человечества ("Реквием", "Анафема", "Есть русская интеллигенция" и др.)

По другому направлению развивалось творчество Р. Рождественского. Его поэмам не свойственны черты эпичности. В них, как и в стихотворениях лирический герой - автор. Поэту подвластны различные средства воплощения многоликости окружающего мира. Героическая патетика ("Реквием") соседствует с сатирическим изображением лиц и предметов ("Поэма о разных точках зрения"), едкая ирония, сарказм с грозно-предупреждающей интонацией при обращении к человеку, оставшемуся одному на сожженной планете после атомного кошмара. Столь же страстно звучит голос поэта против некогда узаконенной формулы "незаменимых нету" (поэма "Посвящение").

В 1971 году выходит один из лучших сборников Рождественского "Все начинается с любви". Резкое разграничение добра и зла, высокой нравственности и мещанского благополучия, светлых и темных красок - характерная черта его поэзии. В области лирической публицистики, избранной поэтом, форма исповеди нередко идет рядом с прямым обращением, типа: "Давай покинем этот дом, давай покинем" ("Богини"), "Знаешь, друг, мы наверно, с рожденья такие" ("Ровесники"), "Будь пожалуйста послабее". Стих Рождественского, отмеченный особой акцентировкой слова и четким ритмом, лишен, как правило, психологической нюансировки образа.

2. Когда в 1965 году появилось стихотворение Н. Рубцова "Тихая моя родина", слово было найдено "тихая лирика". Но это было более чем слово, ибо за ним прочитывалось целое направление нашей поэзии, идущее по сравнению с эстрадной поэзией другой дорогой, громкость заменившее глубиной. Его крупнейшие представители (Н. Рубцов, А. Прасолов, Ю. Кузнецов, Н. Тряпкин, В. Соколов, А. Жигулин) отстаивали свои эстетические и нравственные принципы и делали это совсем не так, как это было присуще Евтушенко или Вознесенскому. Если последние преимущественно отмечали, фиксировали в обостренной форме некоторые противоречия и сложности эпохи, то эти поэты стремились постичь их природу и сущность, запечатлеть процессы, совершающиеся в человеческой душе.

Перед ними стояли те же проблемы, что и перед создателями высокой прозы: углубление историзма, новаторское воплощение ведущих тем (Великая Отечественная война, судьбы деревни, проблема "человек и природа", более полное и совершенное проникновение во внутренний мир современника).

Одним из лучших представителей этого направления был Николай Рубцов.

Наследие из пяти сравнительно небольших сборников стихов оставлено Н. Рубцовым. Первая его книга "Лирика" увидела свет в 1965 году, последняя - "Зеленые цветы" - уже после гибели поэта, а между ними сборники "Звезда полей", "Душа хранит", "Сосен шум".

Н. Рубцов до самозабвения влюблен в Русь, тихую вологодскую сторону с ее полями, лесами и озерами, с ее простыми и немногословными, немало повидавшими на своем веку людьми ("Душа хранит", "Привет Россия", "Тихая моя родина").

Тихая моя родина!
Ивы, реки, соловьи...
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Поэт не раз свидетельствовал, что он улавливает голоса природы, слышит, как ветер "воет", "стонет", "плачет", "свищет", "дышит", "всхлипывает, словно дитя", как метель "голосит за окном", как ропщут березы, звенит листва. Поэт переводит мгновения бытия на язык искусства, ясно осознавая свою зависимость от природных сил.

Для Рубцова важно не только то, что выражено словами, но и то, что за текстом, как бы невысказанное, но напетое самой мелодией поэтической речи.

Приглашая учиться высокому искусству гармонии у природы, поэт не впадал в запоздалый руссоизм. Это было лишь трезвое понимание жгучей связи между человеком и природой, которая может оборваться в эпоху нарастающего экологического кризиса. Отсюда трагические тона, усиливающие внутренний драматизм поэзии Рубцова.

Особая, еще малоизученная сфера - поэтика Рубцова, который понимал, что поистине прекрасное должно быть величаво. У поэзии Рубцова своя мелодия. Хотя его стих лишен той песенной интонации, что присуща Есенину, он очень музыкален, причем больше, чем Тютчев и Блок, мелодическому рисунку стихотворений к которым он близок.

3. На протяжении 70-х годов многие поэтические имена, независимо от желания самих поэтов, сделались объектом критического манипулирования, выстраивались в ряды и школы. "Органичным" поэтам (Рубцов и Прасолов) противопоставляли "неорганичных", "книжных": А. Тарковского и Д. Самойлова, Б. Ахмадуллину, Ю. Мориц, А. Кушнера, хотя у каждого из названных своя "книжность", свое очень разное отношение с традицией и своя мера одаренности.

Одним (Тарковскому, Кушнеру) более свойственно усилие припомнить и настроить звучание своего стиха в лад с высоким строем классической поэзии. Другие (Мориц) склонны не столько переноситься в прошлое, сколько сами эти классические ассоциации приближать к себе, осовременивать их своим голосом. И от тех и от других отличен Давид Самойлов, в первую очередь рефлектирующий в стихе, переживающий своим стихом дистанцию, все более отдаляющую нас от тех, в ком продолжился "серебряный век" русской поэзии, благодаря чему этот век был почти современным нам:

Вот и все смежили очи гении.	Тянем, тянем слово залежалое
И когда померкли небеса,	Говорим и вяло и темно.
Словно в опустевшем помещении	Как нас чествуют и как нас жалуют!
Стали слышны наши голоса.	Нету их. И все разрешено.

Это восьмистишие Давида Самойлова помечено 1966 годом - годом смерти Ахматовой. Оно кажется удачным эпиграфом к двум последним десятилетиям в поэзии.

Не случайно, что оно написано Д. Самойловым. Он последним в своем военном поколении издает первую книгу - в 1958 году. Его значение в полной мере начинает

осознаваться лишь в 70-е годы, после выхода в свет первого маленького сборника избранных стихотворений "Равноденствие".

Самойловская легкость, самойловская ирония: "Я сделал вновь поэзию игрой..." - привлекала одних и отталкивала других, полагающих более отвечающей духу времени торжественность, с какой следовало докладывать о великом, о свершениях, о нравственных исканиях. Тон определял многое. По нему узнавалась и эстетическая позиция - отношение к традиции. Стихотворения Самойлова - знак определенного стиля, в котором легкость, уклончивость, приобретали значение высказывания. Много в его стихах "как будто бы". Как будто бы поэзия игра, как будто бы все в ней только сиюминутно, бегло, неповторимо:

Лихие, жесткие морозы	Повторов нет! Неповторимы
Весь воздух звонок, словно лед.	Ни мы, ни ты, ни я, ни он.
Читатель ждет уж рифмы "розы",	Неповторимы эти зимы
Но, кажется, напрасно ждет.	И этот легкий, ковкий звон.
Напрасно ждать и дожидаться,	И нимб зари округ березы,
Притерпливаться, ожидать	Как вокруг апостольской главы...
Того, что звуки повторятся	Читатель ждет уж рифмы "розы",
И отзовутся в нас опять.	Ну что ж лови ее, лови!..

"Повторов нет!" - такой тезис, доказываемый, а на самом деле опровергаемый стихом. Слишком много повторов в этих строчках. Пушкин - его нельзя не узнать, он процитирован откровенно и хрестоматийно. Начинается стихотворение с полужитаты в первой же строке. И завершается все повтором уже тютчевским.

Значит есть повторы, все повторимо, хотя и не буквально, а по закону изменчивости неизменного. В стихах Самойлова много цитат реминисценций, на которых поэт не задерживается. Они лишь определяют характер постоянно поддерживаемой, но не обнаруживаемой, не выпячиваемой связи с традицией, возникают, поглощаемые движением стиха.

В 70-е годы традиция - предмет постоянных критических споров, повод к которым дает сама поэзия. Поэтическое прошлое становится предметом рефлексии, выбора. Традиция обнаруживает себя как процесс двусторонний, как диалог, в котором по-новому, без хрестоматийной заученности, выглядит и тот, кто оказывает влияние, и тот, кто его воспринимает. От его восприимчивости и от его таланта зависит степень равноправия собеседников.

Споры о том, что считать национальной традицией были и в эмиграции, в какой мере она устойчива и открыта изменению.

Иосиф Бродский является автором многочисленных сборников, основными из которых являются "Осенний крик ястреба", "Назидание", "Часть речи", "Урания".

"Урания" - название последнего сборника поэта. "К Урании" название одного из центральных его стихотворений:

У всего есть предел: в том числе у печали.
Взгляд застревает в окне, точно лист - в ограде.
Можно налить воды. Позвенеть ключами.
Одиночество есть человек в квадрате.
Так дромадер нюхает, морщась, рельсы.
Пустота раздвигается, как портьера...

Урания - муза астрономии, владеющая пространством мироздания. В этом стихотворении ничего не сказано о ностальгии, но взгляд как бы скользит, восстанавливая пейзаж оставленного пространства.

В поэзии Бродского сложное отношение героя с пространством. Сначала оно как бы дробилось на множество предметов, оставляя впечатление многообразия и раздробленности, распада, как будто ускользала нить, которая связывает целое.

Пространство чаще всего равнодушно к человеку, иногда враждебно. Открыто Бродский не говорит в своих стихах о себе, а использует образы. Например, ястреба. В стихотворении "Осенний крик ястреба" он пишет о птице, которая взлетает выше своих сил, на высоту, где она не может преодолеть воздушного потока, и он выталкивает ее в ионосферу, "в астрономически объективный ад птиц, где отсутствует кислород".

Бродский приучает вспоминать в словах их культурные значения. Причем делает это в духе классической традиции, для которой со времени античности полет птицы вызывает ассоциацию с поэтическим парением. Образ становится многозначным, он допускает различные оттенки смысла, хотя и не допускает нарочитых иносказаний. Бродский не пишет аллегорий. "Осенний крик ястреба" - это стихотворение с предчувствием зимы, стихотворение о гибели птицы в американском небе, ставшей

горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма
И, ловя их пальцами, детвора
Выбегает на улицу в пестрых куртках
И кричит по-английски: "Зима, зима!".

Творчество Бродского всегда вызывала споры и неоднозначное отношение. Но его поэзия - это мир большого поэта, который, как и всякий большой поэт, меняет облик национальной культурной традиции.

В марте 1991 года в Литературном институте прошла конференция "Постмодернизм и мы". Это была попытка объединить в одну группу поэтов, которые пришли в литературу в начале 80-х годов, попытка определить характер нового, найти слово или термин, способный обозначить меняющееся мышление.

В понятии постмодернизма есть одно безусловное достоинство: оно не навязывает общность, не предписывается единая программа. То, что сравнительно недавно стало фактом общественного сознания, гораздо ранее стало материалом поэзии.

В 1989-1992 году отдельными сборниками напечатались те, чьи имена более или менее глухо упоминались ранее, но которые не имели возможности публиковаться в советское время.

Среди них - обладатель международных премий, переводчик французской поэзии - Геннадий Айги. Многие критики, в частности В. Новиков, считает, что основной мотив его поэзии - это мотив тишины или молчания:

тишина
где ребенок - неровная
будто в пределах - из ломкости светотеней:
пустота! - ибо мир Возрастает
в нем - чтобы Слушать
Себя
Полнотой.

Понятия пустота, тишина несут в себе заряд отрицательной энергии. В то же время образы, которые использует Айги нельзя назвать нетрадиционными для русской поэзии. В частности Айги наследует традиции тютчевской поэзии, но на другом философском уровне. Как отмечает В. Новиков: "Если вы эту тишину в себя вобрали - можете считать, что в мир Айги вошли... Вынужденные к молчанию или выбравшие молчание? Во всяком случае, поставленные перед необходимостью этого выбора, который дается в разной мере легко".

Для творчества Дм. Пригова характерна простодушно-штампованная манера, которую он прячет под маской академической и официозной серьезности. В его сборнике "Слезы геральдической любви" с необнаруживаемой самим автором иронией демонстрируется абсурдность сущего и общепринятого:

На прудах на Патриарших
Пролетело мое детство,
А теперь, куда мне деться,
Когда стал я много старше?
На какие на пруды,
На какие смутны воды?
Ах, неужто у природы
Нету для меня воды?

Манера Пригова предполагает минимум авторского вмешательства и максимум доверия. Отсюда и маска простодушия, и ирония, и неожиданные концовки его стихотворений:

Счастье, счастье, где ты, где ты?	Ах ты ж, бедное мое!
И в какой ты стороне?	Детка ненаглядная!
Из-под мышки вдруг оно	Дай тебя я пожалею!
Отвечает: вот я! вот я!	Ты сиди уж не высывайся!

Как определил И. Шайтанов: "лицо современной поэзии, пожалуй, по преимуществу смеющееся, хотя не очень веселое". Особое место в литературе постмодернизма занимает поэзия Тимура Кибирова. Ирония большинства его стихотворений построена на ассоциациях, природа которых может быть совершенно различна: это и отвлеченно-языковые конструкции, и песни 20-60-х годов, и элементы быта, и классическая литература от Ломоносова до Пастернака. Но все это воспроизводится на другом более низком, пародийном уровне:

Спой же песню мне, Глеб Кржижановский!
Я сквозь слезы тебе подпою,
Проскулю тебе волком тамбовским
На краю, на родимом краю!
На краю за фабричной заставой
Силы темные злобно гнетут.
Спой мне песню, парнишка кудрявый,
Нас ведь судьбы безвестные ждут...

Как видно в данном случае это стихотворение соткано из обрывков популярных в 20-е годы песен.

Одной из ведущих тем его творчества была тема России. И опять это образ возникает как цепь ассоциаций, причем самых неожиданных:

Пахнет дело мое керосином
Керосинкой сторонкой родной
Пахнет "Шипром" как бритым мужчиной
И как женщиной "Красной Москвой"
Чуешь, чуешь, чем пахнет? Еще бы!
Мне ли, местному, нос воротить!
Политурой, промасленной робой
Русским духом, едрить-колотить
И антоновкой ближе к Калуге
И в Моздокской степи анашой.
Чуешь падла, чем пахнет? и вьюгой,
Ой, вьюгой, воркутинской пургой...

Очень часто в его поэзии сближаются понятия прежде несовместимые:

Тараканы в барабане
 Вошки-блошки по углам,
 И мерещатся в тумане
 Пролетарии всех стран.

И опять отношение к России это взгляд со стороны. И взгляд не рыдающий, не умиляющийся. Это взгляд человека прекрасно понимающий страну, о которой пишет, и время, в котором он живет:

Я то хоть чучмек обычный,
 Ты же, извини, еврей!
 Что ж мы плачем нестерпимо
 Над Россией своей?

Очень точно отметил сущность постмодернизма И. Шайтанов: "Вынужденные молчать или выбравшие добровольно, внимающие священной тишине или оглушенные "негативным эхом" и погребенные языковым обвалом - все они родственны в своей причастности к молчанию. Властное родство, объясняющее, каким образом в одном пространстве андерграунда могли родиться, в одних поэтических сообществах сойтись и буйные иронисты, и приверженцы молитвенно-тишайших текстов. И для тех и для других условие творчества - отчуждение действительного, дистанцирование от него словом.

Говоря о взаимодействии поэтов-шестидесятников и андерграунда, следует отметить, что конец 80-х начало 90-х годов - это то самое время, когда старшие и младшие вышли из зоны молчания и разошлись между собой по многим пунктам. Вызывающим показалось бытовое поведение младших. Они, в лучшем случае, равнодушны к нравственности, и уж никак нравственная идея не признается подходящим поводом для поэтического вдохновения. Сами принципы шестидесятничества, таким образом были отвергнуты.

В 80-е годы начинают более серьезно и глубоко оценивать то, что в 60-е годы считали "субкультурой", "предлитературой", "контркультурой" и т.п. В частности авторскую песню.

Современник Пушкина князь Вяземский говорил, что есть жанры, в которых общество не просто выражается, а "выхаркивается", и выплескивается, и стонет, и закликает, и по черному шутит. В. Маяковский считал подвигом то, что он "вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката". Барды стали игнорировать плакат и этим продлили век плаката. Этим они резко расширяли сферу дозволенного в раздумьях о жизни, в выработке рецептов самозащиты от зла. Уже В. Шукшин частично ввел в свои рассказы то, что третировалось как "площадное", "уличное", "скоморошеское", увидев в этом элементы народной смеховой культуры.

70-е начало 80-х годов - это время расцвета авторской песни (В. Высоцкий, А. Галич, Ю. Визбор, Е. Клячкин, Б. Окуджава, Ю. Кукин).

Тематика и содержание авторской песни исключительно многообразно. Здесь и дворовая песня, и сатирическая, и блатная, и философская притча, и частушка. Большинство из них носит интимно камерный характер и не рассчитаны на внешний эффект. Ее важной особенностью также является то, что она рассчитана прежде всего на устное выступление. Возникший на рубеже 50-60- годов жанр авторской песни по самой своей природе ориентировался на устную традицию, органически осваивая все ее формы от мещанского романса до анекдота.

Наиболее яркими представителями авторской песни были А. Галич и В. Высоцкий.

В отличие от большинства авторских песен поэзия Галича не была рассчитана на коллективное восприятие массовой аудитории. Стихи Галича - это разговор поэта с близким собеседником, это исповедь. Хотя и у него было много песен остро-сатирического и шутливо-иронического характера. ("Баллада о прибавочной стоимости", "Красный треугольник", "История о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина" и др.). Но даже в них был элемент трагической исповедальности, скрытый где-

то на втором плане и более обнаженный в таких песнях, как "Веселый разговор", "Караганда", "Вальс-баллада про тещу из Иванова", "Облака", "Романс о Прекрасной Даме", "Поезд". В поэзии Галича много реминисценций с русской поэзией "серебрянного века". Например:

Прилетает по ночам ворон.
Он бессонницы моей кормчий
Если даже я ору ором
Не становится мой ор громче
Он едва за пять шагов слышим
Но и то говорят слишком.
Но и это словно дар свыше,
Быть на целых пять шагов слышным.

Это стихотворение - прямая переключка и продолжение темы стихотворения Мандельштама "Мы живем под собою не чуя страны". Здесь же и современный вариант блоковской "Незнакомки": "Принцесса с Нижней Масковки". "И вот она идет меж столиков в своем костюмчике джерси... на узком пальце у нее кольцо за два с полтиною..."

Реальная жизнь существует во всех песнях Галича, построенных на парадоксе. Вот две человеческие судьбы, в рассказе о которых у поэта объединились сострадание к одной и презрение к другой, сквозь которое, впрочем, тоже просвечивает сострадание:

Она вещи собрала, сказала тоненько
А что ты Тоньку полюбил, так будь с ней с Тонькою
Тебя же не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папе у ее топтун под окнами,
А что у папе, у ее, дача в Павшине,
Топтуны да холуи с секретаршами,
А что у папе, у ее пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковскою.
Вот, что ты захотел и ведь знаешь сам.
Знаешь сам, да стесняешься
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие, про материи.
А в глазах то у тебя дача в Павшине.

Еще в 60-е годы Галич поднял огромную и ставшую одной из ведущих в его творчестве проблему, злободневную и сегодня: о людях, которые приспособились. Поэт говорит об этом в песне, иронически названной "Старательским вальском":

Но поскольку молчание золото
То и мы безусловно старатели.
Пусть другие кричат от отчаяния,
От обиды, от боли, от голода.
Мы то знаем доходней молчание
Потому что молчание золото.
Вот как просто попасть в богачи
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в первачи
Промолчи, промолчи, промолчи.

В этом стихотворении с наибольшей публицистической ясностью и определенностью выражено поэтическое и гражданское кредо Галича. Эта же тема продолжена в стихотворении посвященном памяти Пастернака.

"Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу

Свеча горела."
 Нет, никакая ни свеча,
 Горела люстра.
 Очки на морде палача
 Сверкали тускло.
 А зал зевал, а зал скучал,
 Мели Емеля.
 Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
 Не к высшей мере.

Голосованьем.
 И кто-то спьяну вопрошал:
 За что, кого там
 И кто-то жрал,
 И кто-то ржал
 Над анекдотом.
 Мы не забудем этот смех
 И эту скуку.
 Мы поименно вспомним всех.
 Кто поднял руку.

Он ни на йоту не сомневался, что это будет и станет актом гражданской позиции.

Широкое признание не только у нас в стране, но и за рубежом получило творчество Владимира Семеновича Высоцкого. Его песни на собственные стихи запоминались необычностью содержания и страстным, вдохновенным исполнением. Они доходили до самых глубин сердец слушателей. Поэзия Высоцкого многогранна по содержанию. Он пел обо всем, чем жил народ: о мире и войне, о любви и дружбе, о спорте и труде. Его интересовали темы искусства, космоса, судьбы Земли.

Для поэзии Высоцкого характерно философское осмысление извечных проблем жизни и смерти. Он выражает в стихотворениях свою веру в бесконечность жизни на земле:

Кто сказал: "Все сгорело дотла, Больше в землю не бросите семя..."	Материнства не взять у Земли, Не отнять, как не вычерпать моря,
Кто сказал, что Земля умерла?	Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она затаилась на время...	Нет, она почернела от горя...

Много песен Высоцкий написал о войне. Хотя, когда началась война, ему было три года, а когда закончилась всего семь лет, Высоцкий сумел передать трагедию народа, трагедию тех семей, где сыновья, братья, женихи и мужья своей жизнью заплатили за победу над фашизмом:

Почему все не так? Вроде все как всегда:
 То же небо - опять голубое,
 Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
 Только он не вернулся из боя...

Большое место в поэзии Высоцкого занимают песни о дружбе и любви. Широкую известность получила его "Песня о друге":

Если друг оказался вдруг
 И не друг, и не враг. а так...
 Если сразу не разберешь,
 Плох он или хорош, -
 Парня в горы тяни - рискни!
 Не бросай одного его!
 Пусть он в связке одной с тобой -
 Там поймешь, кто такой.

Большое место занимает тема любви. Любовь для Высоцкого - величайший дар природы и великое чувство человеческих сердец:

Когда всемирного потопа
 вернулась вновь в границы берегов,
 из пены уходящего потока
 на сушу тихо выбралась любовь
 и растворилась в воздухе до срока,

а срока было - сорок сороков...
И вдоволь будет странствий и скитаний:
Страна любви - великая страна!

Поэзия Высоцкого стала достоянием народа. В ней взволнованный разговор с современником о том самом главном, самом важном, самом насущном, что волновало всех. Его поэзия - это поэзия чести, мужества, человеческого достоинства, поэзия правды и любви.

ДРАМАТУРГИЯ 60-90-Х ГОДОВ.

1. Социологическая драма.
2. Психологическая драма.
3. Философская драма.

Рубеж 60-80-х годов был ознаменован активным поиском новых форм в драматургии и театре. Внимание к тем житейским моментам, которые служат точкой пересечения общественной и личной психологии, характерны для творчества В. Розова, А. Володина, А. Вампилова и многих других. Пьесы, созданные в эти годы, дали благодатный материал для обновления театрального искусства. На 70-80-е годы приходится расцвет театра. В те годы работали Г. Товстоногов, О. Ефремов, А. Эфрос, М. Любимов, М. Захаров.

70-е годы стали рождением нового жанра, который вначале называли производственной драмой. Для пьес этого направления было характерно обращение к личности руководителя, к вопросам совершенствования экономики и системы управления. Конфликт в социологической драме развивается между новым и старым. Вследствие этого сюжет строится по одной композиционной схеме: на какой-либо производственный участок (бригада, цех, завод, организация) приходит человек, чаще всего со стороны, и начинает устанавливать свои порядки, которые он считает лучшими. Из-за этого между ним и старожилами коллектива возникает конфликт, который и составляет основу пьесы.

Большой интерес представляет пьеса А. Дворецкого "Человек со стороны". "Деловой человек" Чешков - высокопрофессионален, сугубо рационалистичен. При этом он страстен в своем увлечении делом, бескомпромиссен, требователен. Одержимый идеей научной организации труда, Чешков бросается в бой, не щадя ни правых, ни виноватых. Герой подчеркнуто не интересуется ничем, кроме дела, он не считается ни с традициями завода, ни с достоинством и самолюбием людей.

Антагонисты Чешкова - не бюрократы, не карьеристы. Они не меньше любят свой завод, которому отдано столько сил, энергии. Но они еще не умеют работать по-иному и зачастую объективно не могут круто изменить стиль своей деятельности.

Как бы ни были привлекательны (особенно на первый взгляд) и необходимы деяния нового начальника цеха, Чешков не выдержал испытания на роль современного, гармонично развитого человека.

Образ "делового человека" привлек внимание и А. Гребнева в пьесе "Из жизни деловой женщины". Директор ткацкой фабрики Анна Георгиевна далека от новых веяний. Организация труда на ее предприятии во многом ведется по старинке: здесь царят текучесть кадров, авралы, необоснованные увеличения планов. Вот почему она с беспокойством и некоторым страхом присматривается к новому главному инженеру, который, словно усвоив уроки Чешкова, не столь жестко, но достаточно решительно пробует вводить новую систему труда.

С идеей необходимости безукоризненной профессиональной честности, наведения строжайшей трудовой дисциплины приходит в бригаду подручным сталевара инженер Виктор Лагутин в пьесе "Сталевары" Г. Бокарева. Вначале симпатии зрителя, так же, как и

автора, на стороне этого уверенного в себе парня. Однако Виктор грубо оскорбляет старого мастера, и бригада, посчитав его карьеристом, отторгает его от коллектива.

Таким образом терпит крах уверенность в своей непогрешимости, душевная сухость и жесткая требовательность, не подкрепленная заботой и вниманием. Многие поняли и члены бригады, осознав главное - Виктор со своим неуживчивым характером не карьерист. Он идет на конфликт не ради корыстных целей, ибо его максимализм диктовался самыми добрыми побуждениями. Виктор заставил и окружающих критически посмотреть на себя и принципиально оценить свои действия и поступки.

Но в целом пьесы этого направления страдают эскизностью большинства персонажей, неоправданностью ряда сцен, спорностью некоторых обобщений. Часто конфликт в них выглядит надуманным. Вследствие этого уже в 80-е годы пьесы такого типа сошли со сцен большинства театров.

Для 70-80-х годов характерно заинтересованное внимание к психологической драме и к возможностям мелодрамы. В 40-50-е годы слово мелодрама употреблялось в негативном смысле. Но обращение к этому жанру именно в это время объясняется реакцией авторов на рассудочную социометрию социологической драмы, которой противостоит открытая и откровенная эмоциональность мелодрамы.

Серьезными и художественно перспективными были поиски новых форм в области сюжетно-композиционной структуры психологической драмы.

В драматургии 50-х годов строго выдерживалась хронологическая последовательность событий, однонаправленность действия. Начало 70-х годов было ознаменовано попытками строить драму свободно, возвратив сценическому времени возможность свободно переноситься из настоящего в прошлое, если это необходимо для смысла.

Одним из первых драматических произведений, где художественное время то возвращается назад, то снова соответствует нашим дням стала пьеса К. Симонова "Четвертый". Герой пьесы - американский летчик, участник гражданской войны в Испании, активный борец против фашизма. Послевоенная Америка, охваченная психозом "холодной войны" уродует душу этого человека, по природе и неплохого, но слабовольного. Богатство и успех, которых он может лишиться, если сохранит верность идеалам молодости, отравляют его сознание. Герою становится известно о готовящейся провокации. И ему предстоит нелегкий выбор: промолчать и сохранить свое благополучие или разоблачить преступников. Рано или поздно решать приходится каждому.

Эта мысль о правомерности и необходимости нравственного выбора реализуется в пьесе с помощью условной ситуации: герой заново переживает минувшее. Их было четыре товарища. И перед нами проходит суд совести. А судят его люди, возникающие в его памяти, его друзья, уже давно погибшие. Свидетельствует женщина, которую он любил, потом женщина, на которой он женился. Он заново переживает все события, взвешивая все "за" и "против" в момент решающего выбора.

К психологической драме обращается и такой известный драматург, как А. Гельман. Событие, которое лежит в основе пьесы "Наедине со всеми" исключительное по своему трагизму и необычно по роковому стечению обстоятельств. Андрей Голубев, начальник строительного управления, направляет для того, чтобы угодить руководству на срочные работы для завершения объекта в срок рабочих-крановщиков. Среди них его единственный сын. В суете и спешке Голубев забывает проверить, соответствует ли условия работы на участке, куда он послал людей, требованиям техники безопасности. Один из кранов задевает за провода линии высоковольтного напряжения. Именно на этом кране работал сын Голубева, в результате несчастного случая лишившийся рук. Время действия пьесы - вечер, канун того дня, когда супруги Голубевы, должны взять из больницы и привезти домой сына-калеку. И это вечер страшного суда в семье Голубевых. Андрей и Наташа обвиняют друг друга в беде, постигшей их сына. И новый виток выяснения отношений, взаимных претензий. Наташа изменяла мужу с неким Кузьминым.

А тот был полезен и Голубеву, и его начальнику Щетинину. Поэтому Андрей, зная о неверности жены, закрывал на это глаза. Общественная безнравственность, то есть то, что делает на стройке Голубев и его покровители неотделима от безнравственности личной. Автора пугает нежелание героев отвечать за свои поступки, полное отсутствие у них чувства вины и ответственности. Виноват, по мнению каждого, кто-нибудь другой, либо обстоятельства. Невозможно оправдать Андрея, но еще труднее понять Наташу, которая уходит из дома накануне возвращения искалеченного сына домой.

Наиболее яркими представителями психологической драмы были В. Розов и А. Вампилов.

Виктор Розов с первых пьес заявил о себе как художник, глубоко взволнованный судьбой молодого поколения. Пафос его творчества - борьба за истинные нравственные ценности в человеке, против мещанства не только в быту, но и в самом строе мыслей и чувств.

В пьесе "Вечно живые" восемнадцатилетняя Вероника, сникшая после ухода Бориса на фронт, опустошенная после его гибели, находит силы к концу пьесы совсем взрослому спросить себя: "Зачем я живу? Зачем живем мы все, кому он и другие отдали свои непрожитые жизни? И как мы будем жить?..."

Вопрос "Как мы будем жить?" вновь и вновь задают себе молодые герои драматурга. Уже в первых пьесах "Ее друзья" и "Страницы жизни" В. Розов, отказавшись от привычной схемы построения конфликта и от стандартной фабулы, попытался проникнуть в психологию юных героев, проследить процесс их гражданского становления.

Особенно удачно это сделано в комедии "В добрый час", где размежевание персонажей по нравственному принципу проведено четко и бескомпромиссно. Драматург вводит нас в атмосферу, характерную для многих семей. Вчерашний выпускник школы должен выбрать свой единственный путь в жизни. Так ли это просто? Как не ошибиться? Во имя чего человек ставит перед собой большие цели? Соблазнительная перспектива вырисовывается перед Вадимом Раз валовым: по глубокому убеждению этого юного карьериста высокий пост обеспечивает желанное реноме. Для Алексея, приехавшего из деревни, поступление в сельскохозяйственную академию имени Тимирязева вызвано желанием поднимать сельское хозяйство. А Андрей Аверин, центральный персонаж пьесы, весь в поиске самого себя и своего предназначения в жизни. Непосредственность чувств и поступков, душевная чуткость, неприятие фальши и пошлости, корыстолюбия, расчета и "благоразумия" делают этот образ привлекательным.

Автор настаивает на праве молодых самим искать свои пути-дороги и самостоятельно решать свою судьбу.

Еще резче и острее показаны столкновения героев в таких пьесах, как "В поисках радости", "Неравный бой". Борьба светлого начала с эгоистической психологией, с мещанским практицизмом, с неверием в большую и чистую любовь - стержень конфликтов в этих пьесах.

Если в ранних произведениях Розова в центре внимания художника персонаж, за судьбу которого автор особенно волновался, то в "Дне свадьбы", "Традиционном сборе", "С вечера до полудня" и других судьба почти каждого действующего лица значима и интересна. На встречу бывших учащихся собрались выпускники 1941 года, которым уже за сорок ("Традиционный сбор"). С точки зрения одних почти единственным мерилем того, "состоялся" человек или "не состоялся", служат чины, звания, должности. По мнению Сергея Усова, важно прежде всего, каким быть, а не кем слыть. В словах героя слышится голос самого автора.

Розов предпочитает оставлять финалы своих пьес открытыми, как будто странствия его героев продолжают и мы с ними еще встретимся. Но в то же время, открытый финал дает читателям возможность самим размышлять, делать выводы, сопоставить свою нравственную позицию с позицией героев. Следует отметить, что открытый финал был очень характерен для психологической драмы.

На 60-70-е годы приходится возникновение такой своеобразной ветви искусства сцены, которая получила название театр Вампилова. Интересное оригинальное дарование Александра Вампилова, воплощенное чаще всего в форму комедии, драмы или мелодрамы, привело на сцену героев и конфликты, не подмеченные ранее другими драматургами. Решения этих конфликтов художником неожиданно. Действие, начавшись как водевиль, может, по воле автора, превратиться в драматическую ситуацию, исход которой будет зависеть от характера персонажей. Вампилов не ищет типического героя и не ставит его в типические обстоятельства. Наоборот, его герой, как правило, оказывается в условиях исключительных, невероятных. При этом тот или иной ход автора не самоцель, а своеобразное средство для раскрытия внутренней сущности человека: богатства его души или, наоборот, уродства и пошлости мещанина.

Драматург не замыкается раз и навсегда в найденных героях. Они всегда неповторимы и вместе с тем несут определенные родовые черты. Молодой герой Вампилова (Колесов в "Прощании в июне", Бусыгин в "Старшем сыне") в процессе роста, становления. Это человек веселый, пока еще легкомысленный, импульсивный, действующий чаще всего под влиянием сиюминутных решений, не задумывающийся о последствиях своих поступков.

Влюбленный в Таню выпускник биофака Колесов отказывается от нее ради диплома. Правда затем он попытается все исправить, но боль любимому человеку уже причинена.

В поисках ночлега Бусыгин находит легкомысленный выход: решает выдать себя за старшего сына Сарафанова. Ему более чем поверили. И вот уже отец этой очень неустроенной семьи, Сарафанов-старший, видит в нем свою опору и спасение.

И все же Вампилов на стороне таких ребят, из которых вырастут, он надеется на это, настоящие люди. Какие бы ошибки ни совершал его молодой герой, как бы ни сложилась его будущая судьба, автор в финале оставляет возможность выбора верного пути.

Другой тип героя драматурга - это казалось бы примелькавшийся образ стяжателя и эгоиста, живущего для себя.

Пятнадцать лет назад была готова рухнуть философия мещанина-накопителя Золотуева ("Прощание в июне"), не признающего существования честных и бескорыстных людей.

Не дано поверить в честность и бескорыстие Хомутова персонажам пьесы "Двадцать минут с ангелом" из серии "Провинциальные анекдоты". Почти фантастична ситуация предложенная автором. Двое подвыпивших командированных просят в долг у первых попавшихся им людей. Неправдоподобна ситуация, но еще более нереальным становится поведение людей, когда находится человек, готовый одолжить нужную сумму.

Итак, в пьесах Вампилова перед нами поединок доброты и бескорыстия со злом и эгоистическими представлениями. В них характерная именно для его пьес ситуация, когда не злодей, не отрицательные персонажи, а носитель добра запускает механизм интриги.

Одной из лучших пьес Вампилова является драма "Утиная охота". "Утиная охота" - это драма несостоявшейся человеческой личности. Несостоявшейся не в силу того, что "среда заела", жизнь сломала, а в силу абсолютной бесхребетности, безответственности, духовной опустошенности. Главному герою пьесы Зилу безразлично все на свете. Истоки его нравственного оскудения скрыты, но тем более они опасны, говорит автор.

Тонким психологом выступает Вампилов и в драме "Прошлым летом в Чулимске". Внимательно следит художник за поведением действующих лиц, за развитием характера Валентины и поступками Шаманова. Окончательные решения вынесены за рамки сюжета, но очевидно, что для следователя Шаманова, растерявшегося перед жизненными трудностями, не все потеряно, для него возможно возрождение. Выстояла в первой

жизненной катастрофе Валентина, выстояла благодаря своей чистоте, твердости духа и большой воле.

3. В середине 80-х годов большое развитие получает философская драма. Философскими называются пьесы наиболее емкие и глубокие по художественному смыслу. В данном случае имеется в виду, что авторы этих драм раскрывают решающие, основные вопросы человеческого бытия, стремятся создать целостное представление о мире. Философская драма тяготеет к ярко выраженной условности: ее герои не являют собой саморазвивающиеся характеры, а выступают как выразители идей автора, сюжет и само разрешение конфликта подчинены движению определенной философской концепции.

Наиболее яркими произведениями философской драмы являются пьесы "Беседы с Сократом" и "Она в отсутствии любви и смерти" Э. Радзинского и "Ящерица" А. Володина.

"Беседы с Сократом" - это первая пьеса на историческую тему Э. Радзинского. В ней показан последний период жизни великого философа: его обвинение в неуважении к богам и в дурном влиянии на молодежь, смертный приговор афинского суда, пребывание в тюрьме и отказ спастись бегством, мужественное принятие смерти. Автор умело пользуется античными источниками, вводя в текст фрагменты из сочинений Платона. Но Радзинский писал не художественную иллюстрацию научных концепций и не драматургическое жизнеописание Сократа. Верность фактам истории явилась для автора лишь необходимым первоначальным условием пьесы о далеком прошлом. Главным же для него были нравственно-философские проблемы.

В Сократе воспринимается прежде всего его плебейское происхождение: он сын плотника, проживший жизнь в бедности. Он общителен, весел и ироничен. Ирония, сомнение - одна из важнейших черт его системы взглядов, его отношения к миру. В Сократе скрыт обостренный интерес к каждому человеку и стремление внушить всем понятия добра и справедливости, скрыта непоколебимая верность своим нравственным принципам, за которые он готов платить самой высокой ценой, даже ценой собственной жизни. В нем органично сочетаются два человека. Один прост, равен всем, непритязателен и терпелив. Другой недостижимо высок по своей жизненной программе, труден для всех.

Главная героиня пьесы "Она в отсутствии любви и смерти" - семнадцатилетняя девушка, только закончившая школу и готовящаяся к поступлению в институт. Она живет интенсивной и сложной духовной жизнью. Она в том возрасте, когда уходят детские незрелые представления об окружающем мире и начинают складываться новые отношения с людьми. Это время первых столкновений со сложностями жизни, с потерями. Она еще на грани, на переломе, когда уже приходит первое жадное желание любви и первые раздумья о жизни и смерти.

Фабула пьесы довольно проста - о том, как юной героине трудно с взрослыми, в особенности с матерью, которая не понимает ее, о том, как ей показалось, что она полюбила человека намного старше ее и как из этой любви ничего не получилось. Но фабула лишь внешний слой, за которым скрывается сложный, угловатый, воинственный характер. В нем перемешалось все: гордость и эгоизм, отзывчивость и высокомерие, душевная чуткость и нравственный максимализм. Героиня ищет соответствие жизни своим максималистским требованиям, и когда оказывается, что это соответствие существует не всегда, она предъявляет людям слишком большой счет. Отсюда ее конфликт с матерью и ее подругой, отсюда конфликт с человеком, которого она полюбила. Живя в плену фантазий, она оказывается нечуткой и в чем-то жестокой по отношению к близким ей людям. Пройдя через испытания, она духовно взрослеет, становится щедрее и терпимее.

Пьеса Радзинского говорит о важных нравственных проблемах: о сложных процессах духовного взросления, о необходимости взаимопонимания поколений, об ответственности людей старшего поколения.

События пьесы "Ящерица" А. Володина происходят в некие древние времена и рисуют жестокую вражду двух племен. Одно называется зубры, другое скорпионы. Скорпионы оттеснили зубров в непроходимые болота, и зубрам грозит смерть. Тогда глава рода предлагает заслать к скорпионам лазутчика, чтобы выведать тайну нового оружия врага, с помощью которого тому удалось потеснить зубров. Выбор падает на самую красивую девушку по имени Ящерица. Оказавшись в селении скорпионов, Ящерица вскоре убеждается, что люди этого племени хотят охотиться, собирать плоды, воспитывать детей, жить и радоваться солнцу, а не воевать. Особенно пришелся ей по сердцу юноша, похитивший ее. Но Ящерица помнит о данном ей поручении, узнает тайну лука и возвращается в свое племя. Она не может припомнить всех деталей вражеского оружия, но ее слова вселяют в зубров веру в свои силы, и это помогает им выйти из болот. Сама же Ящерица погибает, пронзенная стрелой, пущенной воинами скорпионами.

Пьеса является по существу философской притчей, написанной в форме драматического эссе. В ней нет детально разработанных характеров, психологических мотивировок, сложных драматургических построений. В ней создана условная событийная модель, из которой вытекают определенные выводы о взаимопонимании между различными племенами и странами как условия их существования. Языком условно-театральной образности на материале притчи о древних племенах пьеса утверждает вполне современные и важные идеи.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ

1. Абрамов Ф. Пряслины.
2. Айтматов Ч. Белый пароход. (После сказки). Пегий пес, бегущий краем моря. Буранный полустанок. (И дольше века длится день).
3. Алексеев М. Драчуны.
4. Арбузов А. Иркутская история.
5. Астафьев В. Пастух и пастушка. Царь-рыба. Печальный детектив.
6. Ахмадулина Б. Лирика.
7. Бакланов Г. Пядь земли.
8. Белов В. Привычное дело. Плотницкие рассказы. Кануны. Лад.
9. Битов А. Пушкинский дом.
10. Богомолов В. Иван. Момент истины. (В августе сорок четвертого).
11. Бондарев Ю. Горячий снег. Выбор.
12. Бродский И. Лирика.
13. Вампилов А. Старший сын. Провинциальные анекдоты. Прошлым летом в Чулимске. Утиная охота.
14. Васильев Б. А зори здесь тихие. Завтра была война.
15. Владимов Г. Верный Руслан.
16. Вознесенский А. Лирика.
17. Воробьев К. Убиты под Москвой. Это мы, Господи!
18. Высоцкий В. Лирика.
19. Галич А. Лирика.
20. Гранин Д. Иду на грозу. Картина.
21. Гроссман В. Жизнь и судьба.
22. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. Хранитель древностей.
23. Дудинцев В. Не хлебом единым. Белые одежды.
24. Евтушенко Е. Лирика.
25. Ерофеев В. Москва-Петушки.
26. Залыгин С. На Иртыше. Соленая Падь.

- 27.Искандер Ф. Созвездие Козлотура. Стоянка человека.
- 28.Каледин С. Стройбат.
- 29.Маканин В. Предтеча. Лаз.
- 30.Можаев Б. Мужики и бабы.
- 31.Носов Е. Усвятские шлемоносцы.
- 32.Овечкин В. Районные будни.
- 33.Окуджава Б. Лирика.
- 34.Проскурин П. Судьба.
- 35.Поляков Ю, Работа над ошибками. Сто дней до приказа.
- 36.Распутин В. Последний срок. Прощание с Матерой. Пожар.
- 37.Розов В. В добрый час. Гнездо глухаря. Кабанчик.
- 38.Рубцов Н. Лирика.
- 39.Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. Матренин двор. В круге первом. Архипелаг ГУЛАГ.
- 40.Солоухин В. Владимирские проселки. Капля росы.
- 41.Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. Завтрак на обочине.
- 42.Тендряков В. Ухабы. Суд. Покушение на миражи.
- 43.Трифонов Ю. Дом на набережной. Обмен. Старик.
44. Троепольский Г. Белый Бим Черное ухо.
- 45.Чивилихин В. Память.
- 46.Шукшин В. Рассказы. Калина красная.
- 47.Ямпольский Б. Московская улица.

НАУЧНО-КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю. Наша авторская. История, теория и современное состояние самодеятельной песни. - М., 1991.
2. Аннинский Л. Локти и крылья. Литература 80-х - надежды, реальности, парадоксы. - М., 1989.
3. Бочаров А. Человек и время. Из творческого опыта прозы 60-80-х годов. - М., 1989.
4. Бугров Б. Герой принимает решение. Движение драмы от 50-х годов. - М., 1987.
5. Взгляд: Критика, полемика, публицистика. Вып. 1.- М., 1988. Вып. 2. - М., 1989. Вып. 3. - М., 1990., Вып. 4. - М., 1991.
6. Горбачев В. Заветное слово: о народности в литературе. - М., 1986.
7. Дубровина И., Дубровин А. Канон или канун? Литература, кино, эстетика: дух обновления. - М., 1990.
8. Ершов Л. История русской советской литературы. - М., 1987.
9. Идеи гуманизма в русской литературе XX века: 20-90-е годы. Сб. науч. трудов. - М., 1994.
10. Идеино-художественное своеобразие русской литературы 60-80-х годов. Сб. науч. трудов. - М., 1991.
11. История русской литературы XX века. В 2-х томах. Т. 2. под ред. Ф. Кузнецова. - М., 1992.
12. История русской советской литературы. Под ред. М. Журавлевой. - М., 1989.
13. Ковский В. Литературный процесс 60-70-х годов. - М., 1983.
14. Кузнецов Ф. Самая кровная связь: судьбы деревни в современной прозе. - М., 1987.
- 15.Ланщиков А. Ищу собеседника: о прозе 70-80-х годов. - М., 1989.
- 16.Лапченко А. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов. - Л., 1985.
17. Ломунов Ю. Кризис веры. Литературно-критические заметки о молодой российской прозе. - М., 1991.

18.Роднянская И. Художник в поисках истины (статьи о русской литературе). - М., 1989.

19.Чупринин С. Крупным планом. Поэзия наших дней : проблемы и характеристики. - М., 1983.

20.Чупринин С. Настающее настоящее: три взгляда на современную литературную смуту. - М., 1989.